

Последний приют

Посвящаю историю Книги Наташе и памяти Евгения Глотова

С кухни доносились приглушенные голоса:

– ...нашли тело, опознать было почти невозможно, очень сильно обгорел, повсюду – горелые книги, сколько-то лежало на улице перед магазином. И под телом была книга. Прижимал к груди, как самое дорогое, – отрешенно рассказывал женский голос.

– Это неважно. Ты не читала книгу с тех пор? – спросил мужской голос, видимо, этот вопрос был задан не в первый раз.

– Я никогда не смогу прочитать эту книгу, ты же знаешь, – задрожав, ответил женский.

– Я знаю, Лана, по правде говоря, для меня нет теперь такой уж нужды, чтобы узнать, чем книга заканчивается, – голос мужчины стал очень теплым.

– Я до сих пор не понимаю, как все-таки так получилось, Влад? Как получилось, что ты здесь?

– Ты могла бы понять, если бы прочитала, но ты не сделаешь этого. А я.. честно говоря, сам понимаю это очень смутно. Я знаю только, что там... где я был, – у меня был выбор, и я решил вернуться. Потом я очутился здесь.

– Эта книга, я не знаю, любить мне ее или ненавидеть, Влад, иногда мне хочется, чтобы ее никогда не было в нашей жизни.

– Не бойся ни о чем и не думай, я ведь люблю тебя, и эта книга никогда не была и никогда не станет преградой между нами, – а потом голос много раз повторил ее имя, – Лана... Лана-Лана-Лана...

Человек сидел за громоздкого вида письменным столом, по всему, сохранившимся еще со времен динозавров, и разглядывал книгу, вода по ней увеличительным стеклом, хотя на носу его красовались круглые стеклышки очков.

Он был молод, и тем более чудными выглядели эти очки и лупа в его руке. Могло даже показаться, что очки и лупа, а также этот стол и книга на столе и все предметы окружающей обстановки принадлежали совершенно разным, может быть, даже незнакомым людям. По обе стороны от человека высились полки с книгами, и вся обстановка комнаты – огромного зала, заставленного книжными полками настолько, что места едва хватало на стол и кресло обитателя, – обстановка производила впечатление древности и древности глубокой.

Человек снял очки, и, скрытые прежде стеклами, его глаза оказались на удивление старыми, взгляд – глубоким.

– Здравствуйте, меня зовут Владислав. Я – библиотekarь, – поприветствовал человек, – да-да, не удивляйтесь, самый настоящий библиотekarь. И здесь, – он неловко обвел руками окружающие полки, – самая настоящая библиотека. Сегодня это такая редкость. Нет, конечно же, я не имею в виду сетевые информационные и литературные архивы, здесь собраны настоящие бумажные книги. Некоторые из них очень редкие, многие – почти бесценные, но все книги без исключения – хорошие. Как бы точнее выразить мою мысль: стоящие, такие, которые следует прочитать хотя бы раз, а большинство – и перечитать. Здесь есть первые издания Герберта Уэллса и Брэдбери, есть книги Жюль Верна и Хемингуэя с подписями, редчайшие издания Толстого и Чехова, – всего не перечислить.

Но я хотел рассказать про говорящие книги.

С компьютеризацией библиотек бумажные книги стали терять популярность. Все чаще они выполняли декоративную функцию, и кое-кто всерьез заявлял о том, что бумажная книга вымирает. Так и случилось: книга занимает место на полке, в ней долго искать нужную главу, книга требует бережного ухода, а главное – книга не может быть прочитана программой читальни, ее приходится перелистывать и прочитывать слова и абзацы самостоятельно.

Но мало кому известно, что незадолго до полного вытеснения бумажных книг компьютерными появились живые книги – говорящие книги. Такая книга ничем не отличима от обычной. Бумажные печатные листы в твердом переплете с простой обложкой, украшенной несложным орнаментом. Однако это были не обычные книги. Во-первых, они себя читали,

вернее, пересказывали. Каждому, кто брал книгу в руки, она читала себя самым подходящим голосом и вовремя делала остановки. Спросите, как? Что-то вроде телепатии. Способность информации к самопередаче, воздействие, которое издревле считалась магией, а оказалось обычным свойством материи. Для передачи информации требуются источник и приемник. Приемником оказался воспитанный обществом и языковой символической системой мозг человека, а источником – невероятно мощным источником, – напечатанная книга.

Но и это не все. Говорящая книга каждому рассказывала свой вариант истории, а главное – она помнила. Книга помнила своих читателей, она могла рассказать, о чем думал, что приходило в голову человеку, который читал эту книгу прежде. Поговаривали, что книга могла угадывать мысли будущих читателей, но доказать это никому не удалось. Впрочем, хватит слушать меня. Пусть книга сама все расскажет...

Сашка неторопливо открыл конверт и аккуратно извлек марки. Крошечные цветные прямоугольники расположились на его ладони, а затем переключались на стол. Новенький набор почтовых марок, подписанных Tanzania 1991, с изображением чудовищ юрского периода, был удачным приобретением. Может быть, коллекционная ценность этих марок невелика, но сами изображения были выполнены превосходно, чувствовалась работа художника, композиция, цвет не могли не радовать глаз. Марки были гашеные. На каждом прямоугольнике стоял фрагмент почтового штампа, что несколько портило картину, – Сашка вздохнул, – но буржуйские марки редко бывали не гашеными, с этим упрямым фактом приходилось мириться. И все-таки Сашка был доволен. Это был отличный набор. Иссиня-зеленый игуанодонт вполборота на фоне джунглей и скал на горизонте, ощетилившийся рогатым воротником трицератопс, вынырнувший из синевы моря диплодок, полосатый пластинчатый стегозавр и еще – блок. Внушительных размеров блок без зубьев по краям изображал юрский пейзаж с высоты птичьего полета, вернее, полета птерозавра. В центре блока расположился взмахнувший крыльями рамфоринх. Сашка продолжал рассматривать марки, вода над ними большой лупой.

Он был любителем. Покупал марки, когда предоставлялась возможность, но был разборчив. Он не скупал все подряд, но и не задавался узкой темой – животными, спортом, машинами, – в его коллекции замечательно уживались великие флотоводцы царской России, военные самолеты начала двадцатого века, хищники семейства кошачьих, например, и вот эти динозавры. Главным для него был особый дух марки, стиль художника, цветовая гамма, – Сашка сразу узнавал те марки, которые ему хотелось иметь, и покупал не жалея своих скромных карманных денег.

Закончив с доисторическими чудовищами и вставив марки в альбом, он, на всякий случай, проверил внутренности конверта и извлек еще один прямоугольник с зубчатыми краями. Марка прилипла к конверту и потому не была обнаружена сразу. На марке был изображен не динозавр. На ней не было никаких опознавательных надписей, даже вязи, наподобие афганской или камбоджийской, или иероглифов, не было года выпуска и почтовой цены. Почтовой печати тоже не было. Марка была не гашеная.

Почти черно-белая, настолько неяркая, в скупых сине-зелено-фиолетовых тонах, но чрезвычайно четкая и контрастная, марка изображала пустынное помещение. Иначе не выразиться. Границы марки и еще меньшие границы комнаты, изображенной на марке, вызвали мысли о клаустрофобии и одиночестве. Голые правильные прямоугольные стены комнаты, блестящий иссиня-черный правильной формы камень в углу, прямоугольный экран или картина в половину стены и обитатель, хотя нельзя было с уверенностью утверждать, что это живое существо, – вот и весь сюжет марки. Никаких ламп, ковров, выключателей на стенах, батарей отопления – ничего напоминающего жилое помещение, даже грязных обломков и ветоши, чтобы быть похожим на сарай.

Картина, или экран, или окно, или ничего из этого, или все это сразу, изображала глубокое звездное небо, край неизвестной планеты без атмосферы и необитаемой, потому что отчетливо виднелись кратеры и шрамы на поверхности, и лестницу или дорогу, спиралью убегающую кверху картины и в бесконечность космоса. Существо стояло перед картиной, видимо, взгляд его был устремлен внутрь, спиной, если можно так выразиться, к зрителю. Его

неправильная форма была единственным свидетельством жизни, отличавшим существо от искусственных предметов. Существо вряд ли могло быть статуей – не было никакой подставки, никакого постамент, ни даже подстилки или коврика. Более всего существо походило на улитку и бескрылую безволосую птицу. Его тело напоминало кожаный мешок, заканчивающийся подобием хвоста, а точнее, вытянутый и обрубленный, как тело улитки. Можно было утверждать только, что от хвоста тело существа расширялось затем немного сужалось, снова расширялось мускульными торчащими буграми, а сверху тело было увенчано козырьком, обращенным к зрителю. Обратная сторона козырька была обращена к картине, и неизвестно, что осталось там, на ней, какое лицо, какие глаза и какой нос или рот были на этом лице.

Дух в марке присутствовал. Да еще какой: непонятный это был дух, чуждый и наполненный печалью. Последний приют. Край еще неживой или уже мертвой планеты внизу странно ассоциировался с комнатой обитателя, а исчезающая вверху и вдали дорога, становилась тоненькой и такой далекой, что, помноженная на космические расстояния, вызывала лишь отчаяние.

Нет, ну бред, – решил Влад, откладывая книгу в сторону. Марки с динозаврами, лестницы в космосе, пустые комнаты с камнями и кожистые улитки-жильцы. Денег за такую книгу платить жалко. Читать скучно. Зачем Лана принесла книгу ему? Наверное, потому только, что сама взвыла и не смогла прочитать, решила на нем проверить. Влад зевнул и кинул потертый томик на стол-антресоль, вытянувшись и запрокинув голову. Затем сел. Лег. Подложил руки под голову и прикрыл глаза.

Хотя что-то в этом, наверное, есть, – подумалось ему, когда через десять минут он все еще никак не мог забыть о книге. Во-первых, марки. Влад был хоть и не художником еще, но заканчивал художественное училище, а потому всякое изобразительное искусство было ему небезразлично. Во-вторых, он мечтал иллюстрировать детские книжки, у него давно была мысль нарисовать серию миниатюр о приключениях Алисы в стране чудес, и он все набирался духу, прежде чем всерьез взяться за это дело. В-третьих, именно миниатюрное искусство интересовало Влада, не полотна, не роспись стен школ или граффити на заборах, но маленькие и очень маленькие, прямо-таки крохотные рисуночки, которые испещряли поля его учебных тетрадей и блокноты.

Влад представил себе марки. Да, он знал, что создание серии марок – всегда грандиозный труд. Но результат, часто идеальный для государственной почты, оказывается непонятным и не таким уж привлекательным для любителя, покупающего серию раз в год. На взгляд Влада, обычные почтовые марки бывают безвкусны: три-четыре цвета, чаще всего ядовитые, тут нет черно-белой строгости, нет и богатой колористики. На таких марках изображают памятные здания, лица каких-то там деятелей, иногда значки или флаги – это не искусство в понимании Влада. Как банкноты. Но бывают и другие марки. Бывали, по крайней мере. Сейчас их, может быть, не так часто встретишь. Кажется, филателия окончательно загнила. Влад пару раз видел марки на почте, неинтересные, и за полгода ни единой новой серии не появилось. Марки на почте были трехлетней давности. Если верить отцу, двадцать пять лет назад на улице Громовых был магазин филателии, настоящий. Теперь там только аптеки, компьютеры и центры косметики.

Так вот, раньше бывали марки, которые можно подолгу разглядывать, настоящие произведения, яркие, с детальной проработкой, или в сдержанных, но, тем не менее, выверенных тонах. Просто очень красивые марки. В детстве Влад частенько листал альбомы отца, нравилось ему не все, некоторые марки он любил больше, некоторые – совсем не любил, но листать альбом, переворачивать большие, заполненные марками страницы (по двадцать-двадцать пять на каждой) ему очень нравилось.

Подчиняясь внезапной мысли, Влад схватил карандаш. Если предположить, что книга эта не бездарна, и что автор писал всерьез, и что стоит разумно и с уважением отнестись к его словам, тогда как должна выглядеть эта необычная марка. Это было похоже на попытку изобразить внутренний мир самого Влада, описать его словами книги. В конце концов, это лишь картинка, где нарисована комната, экран, звезды и лестница, странный обитатель, но

каждый может представить ее по-своему. Как он, Влад, должен представить ее, чтобы каждое слово автора обрело вдруг смысл и заговорило внутри Влада во весь голос?

Он водил карандашом, оставляя прямые и угловатые линии, неохотно их закругляя, пока не получил композицию. Потом рука стала работать мягче, линии стали плавными и округлыми, появились детали и проявлялись все больше, наконец, проступили тени, и Влад уже штриховал лист грифелем.

Он неодобрительно хмыкнул. Изолированная замкнутая комната не получилась. Справа красовалась арка и краешек входа в тоннель. Пора спать, – решил Влад и отложил рисунок. Погасил лампу.

Сашка иногда пересматривал марку, но ловил себя на мысли, что марка эта – просто из бракованной серии. Может быть, был выпущен даже небольшой тираж таких вот космических марок, посвященный дню космонавтики или годовщине рождения какого-нибудь фантаста. А бракованный тираж был отдан на распространение в отделы филателии. В общем, стоит только подождать, когда в каталогах появится упоминание о новой серии. Дело было пустяковое, и, по правде говоря, Сашка уже не придавал значения необычной находке. Жизнь вернулась в обычное русло.

За полгода в каталогах не проскользнуло никакой информации, и мальчик почти перестал думать о марке, тем более, что появились интересные новинки. СССР стал Россией, и на новых марках значилось название другой страны. Сейчас он гонялся за тремя блоками. Первым в списке стоял блок, посвященный охране природы, с тигрицей и двумя тигрятами. На втором по важности месте был блок, выпущенный к 750-летию Ледового побоища, где тевтонец на черном коне падал под яростными ударами русского воина. Наконец, интересовал Сашку и блок, приуроченный к 500-летию открытия Америки Колумбом с парусниками, исчезающими в туманном океане. К сожалению, достать эти блоки все не удавалось, даже личное знакомство с продавцами магазина пока не принесло результата.

И вот однажды – о чудо, – тигры, и именно тигры, были ему доставлены. В ознаменование такого события он был готов позабыть о двух других своих желаниях. Он долго разглядывал блок еще в магазине, под веселым понимающим взглядом Кирилла Петровича – продавца, – и, придя домой, даже не пообедав, бросился в свою комнату и вооружился лупой.

Однако, планы его были нещадно нарушены. Когда он выхватил блок из конверта и начал его подробно изучать, от «тигров» отделился небольшой прямоугольник и спланировал на стол. Сашка мог поклясться, что конверт был пуст в магазине, и что не пропустил бы он марку, прилипшую к блоку, но факты – вещь упрямая. Он поднял марку и поднес к ней лупу.

На марке не было названия страны. Не было года выпуска. Не было цены. Однако были зубчатые марочные края и, похожая на прежнюю, пустынная комната.

Левее центра комнаты расположился «агрегат» – иное слово даже не пришло Сашке в голову. На той же левой стене была картина-экран, но очень сильно искаженная перспективой. На задней стене значились какие-то письмена-иероглифы. И еще имелись три арки – в задней стене, в стене справа и передней стене, той, что на марке изображалась снизу, арка была не видна, но намечена, значит, из комнаты можно было выйти тремя путями.

А в комнате находились три обитателя, и по всему их виду становилось понятно, будто они внимательно смотрят на экран, а «агрегат», по всей видимости, выполнял функции проектора или транслятора. Теперь обитателей удалось разглядеть очень хорошо: один стоял, ну... расположился вполоборота, один – боком, так что виден был в профиль, а еще один – наполовину лицом, если это можно было назвать лицом, к Сашке. Теперь мальчик мог с большей точностью определить, как выглядят неведомые существа: они были похожи на кошек, одетых в мешки. Над головой у каждого вместо кошачьих ушей торчал козырек, вместо глаз была прорезь, как у ниндзя или бандитов, у каждого было по две ноги – изящная передняя и массивная задняя, отчего сходство с кошкой было еще отчетливее. Такое же впечатление производила кошка, если бы для передних ее лап в мешке предусмотреть карман и для задних лап – карман побольше. На каждом боку у существа были две заметные

выпуклости, вроде рудиментов крыльев или огромных бородавок. Сашка извлек из альбома первую марку и положил две находки рядом.

Он довольно долго разглядывал их, переводя глазок лупы с одной марки на другую. Три существа замерли около проектора, разглядывая неведомые ему кинохроники, и существо смотрело на картину-экран, а теперь он был уверен, что это именно экран, где лестница к звездам исчезала в глубине вселенной. В комнате трех существ был проектор, а в комнате существа – только правильной формы монолит. Три пути вели в комнату трех существ или из комнаты, и единственная арка справа – была дорогой в комнату существа... Все это было непонятно, но завораживало тайной, особенно в сознании двенадцатилетнего мальчика.

...Так, стоп! – Влад прервал чтение. – Какая арка в комнате существа? Комната была изолирована, – это он точно помнил. Он бросил взгляд на свой рисунок. На рисунке в стене справа как раз располагалась арка, ведущая в неизвестное. Возможно, конечно, это автор настолько плох, что допустил подобные глупости в тексте. Куда только редакторы смотрели! Однако странное это совпадение, что именно он нарисовал проход и теперь обнаружил его в книге. Это надо проверить...

Влад перелистал несколько страниц, предположительно до того места, где давалось детальное описание первой марки, и начал читать, отыскивая нужный фрагмент. Он прочитал несколько слов. Нахмурился. Перечитал. Чертыхнулся и побледнел.

В книге ни слова не было про мальчика и про марки.

Зато довольно подробно было описано, как он, Влад, сидел с книгой, как затем отшвырнул ее, как лежал, распластавшись, на диване, как начал рисовать, что рисовал, о чем думал при этом и как затем лег спать.

Черт, этого не может быть! – едва не заорал он на всю квартиру, но вместо этого сел и задумался. Этого, конечно, не может быть, но себя Влад чувствовал вполне в порядке, рассуждал спокойно и логически, а значит, не похоже было, что он сошел с ума. Так, наверное, всякий сумасшедший думает, усмехнулся он и ушел на кухню заваривать кофе. Слава богу, подумал он, расслабившись под привычное жужжание чайника, что я не пошел с книгой в уборную. И без того в книге упоминалось, что он отлучался по такой-то нужде и вернулся с вымытыми руками.

Он вернулся из кухни, вооружившись намерением докопаться до истины. Взял книгу и начал перечитывать все сначала. Себя в книге он уже не нашел. Зато там была Лана. И теперь вместе с ней Влад купил книгу в букинистической лавке на ул. Суворова, вместе с ней проехал по заснеженному городу на трамвае, вместе с ней дремал на первом сидении, когда трамвайная печка подогревает снизу, и тепло разливается по телу. Он открывал дверь ее квартиры ключом, который через раз заедает. Он видел, как она готовила салат из свежих овощей, как пила апельсиновый сок и как начала читать книгу. Он был рядом, когда вечером девушка исчезла в душе и вернулась оттуда чистая, горячая, влажная, завернутая в одно полотенце. И он отчетливо прочитал, какой ужас поселился в ее комнате, когда она перечитала последнюю страницу книги, вспоминая прочитанное, прежде чем продолжить. Только когда вернулись родители, Лана кое-как смогла успокоиться.

Влад с каменным лицом отложил книгу, пытаясь переварить все это.

Лана очень испугалась, вот почему она дала ему эту книгу. Но почему она ничего не рассказала ему, почему не предупредила? Ну, это ясно. Боялась, что Влад посчитает ее психованной или выдумщицей. Нет, конечно, он бы выслушал ее внимательно, но вот поверил бы? А теперь он не только поверил, он понял и почувствовал.

И еще: он не испугался. В первый момент – конечно, немного, пока он пытался понять, что происходит. Но вот он понял, и принял, и поверил. И больше не было страшно. Это всего лишь книга, которая умеет... как это ни удивительно, запоминать реакцию читателя. Обычные книги при повторном прочтении могут становиться более понятными, более глубокими, более узнаваемыми, но их текст остается тем же самым. Меняется восприятие человека. Какие-то детали его прежних попыток чтения, которые, в свою очередь, конечно, зависят от места и времени, и обстановки, и самочувствия или настроения. А в этой книге... реакция каждого читателя становится частью книги. Книга дописывает себя с учетом десятков, может быть,

даже сотен людей, ее прочитавших, с учетом десятка разных мнений и точек зрения. Вот что такое эта книга. Влад был ошеломлен. Если бы он умел рисовать такие картины! Если бы он мог нарисовать сюжет, который дополнялся образами каждого нового зрителя, и жил бы снова и снова и всегда был бы актуальным, неустаревающим и многогранным.

Влад позвонил Лане и рассказал ей обо всем.

Девушка слушала недоверчиво, но главное, он почувствовал то облегчение, которое принес ей разговор. Она не одинока. Он был рад, и горд, и воодушевлен одновременно.

Влад начал объяснять, какое это открытие и как это удивительно, что люди научились так писать книги, и мечтал, что когда-нибудь научится так рисовать... – вот тут он и обнаружил, что девушка не разделяла его радости. Лана стала отвечать кратко и неохотно. Она относилась к книге настороженно и, кажется, была растеряна оттого, что Влад чувствовал иное. Юноше хватило сообразительности не настаивать, он перевел тему, и еще полчаса они болтали просто так, о начавшейся зиме, о городе, о пробках на дорогах и ледяных накатанных мостовых. Он вспомнил ощущение свежести, которое испытал, прочитав вернувшуюся из душа Лану. Его сердце наполнилось нежностью, пониманием, и таким же нежным было прощание.

Телефон замолчал. Влад остался один. Компьютер на столе понимающе молчал.. Влад вообще не очень его любил и лишь мирился с необходимостью. Некоторое время он сидел в тишине. Теперь у него был выбор: рисовать или продолжить чтение. Он был слишком возбужден, чтобы прямо сейчас пытаться уснуть.

Решив, что впечатлений на сегодня достаточно, он взял карандаш и довольно быстро набросал макет новой марки. Потом Влад еще раз внимательно посмотрел на свой первый рисунок и старательно стер арку ластиком. Для проверки. И уснул.

Друг-продавец был мужчиной пятидесяти лет, сухой, но внушительного роста человек, с аккуратными усами и выбритым подбородком. Он надевал обыкновенно клетчатую рубашку под пиджак, темно-синий в полоску. Они проговорили минут сорок, но порадовать себя не удалось сегодня ничем. Интересных новинок не было. Сашка попрощался с Кириллом Петровичем и уже направился было к двери магазина, когда заметил на полу что-то белое. Одного взгляда хватило, чтобы угадать новую находку. Мальчик наклонился и, подняв маленькую марку, направился уже не к выходу, а назад, к прилавку, где Кирилл Петрович успел вернуться к своим обычным делам.

– Посмотрите, что я нашел! – почти воскликнул он.

Старик обернулся и засмеялся – мальчишеская прыть умиляла его и, казалось, наполняла юным огнем сухое тело. Он бережно взял марку в руку, взглянул на нее, брови его взлетели и тут же опустились. Озабоченное выражение появилось на лице:

– Странная марка. Где же цена на ней?..

– Вот-вот, – торопливо заговорил Сашка, – это уже третья, которую я вижу. Еще две мне попались раньше: одна – с набором танзанских ящеров, лежала в конверте, а вторая прилипла к блоку с тиграми.

– Наверное, бракованная серия.

– Я тоже так подумал, – поддержал мальчик, – но за полгода я не слышал о такой серии, а марки вот до сих пор попадают.

– Судя по изображению, – убедительно произнес Кирилл Петрович, – это марка не российская. Таких рисунков на наших марках я, признаться, не видел. А с иностранными разобраться будет сложно. Марок выпускается очень много, отыскать серию могут только знающие люди. Послушай, – обратился он к Сашке, – ты напиши-ка письмо, обстоятельно опиши ситуацию, а я отвезу его в московский клуб на следующей неделе...

– Точно! Как же я не подумал, – загорелся Сашка, – я очень-очень подробно напишу и до выходных обязательно принесу письмо вам. Можно я куплю эту марку? – немного помедлив, спросил он.

– Да, так забирай, раз цены нет – то и не стоит она ничего, – Кирилл Петрович засмеялся, – будешь хранителем странных марок, я к тебе буду обращаться, если потребуется.

– И добавил: – У нас с тобой появился шанс испытать приключение, и если ты согласишься стать Холмсом, то я готов быть Ватсоном.

Спрятав марку в кармашек портмоне – Сашка очень гордился тем, что отец подарил ему настоящее портмоне, он чувствовал себя совсем взрослым, – мальчик выскочил из магазина, помахав рукой и пообещав принести письмо до выходных.

Влад потряс головой. Он вернулся из института, перекусил и, кажется, задремал. Рядом на столе лежала раскрытая книга, но... он же не открывал ее и не читал еще сегодня. Тогда отчего такое ощущение, будто он прочитал еще о...

Так что было последним из прочитанного? Он взглянул на рисунки. Ну да, три существа вокруг трансформатора, как Влад его, шутя, окрестил. Но тогда откуда он знает про... третью марку и про письмо в московский клуб? Мальчик нашел ее на полу, когда собирался уже уйти. Ведь так?

Влад потянулся к книге и прочитал на раскрытой странице:

«На столе мальчика лежали три марки. На новой марке тоже была комната, на задней стене – пара экранов и арка с выходом, слева – еще один проход. В комнате не было существ, зато полным полно – Сашка насчитал с десятков, – комочков раскидано и развешано по полу и стенам комнаты. На одном из задних экранов была различима какая-то хищная рыбина в водорослях, рыбина в маске – потому что вместо обычной пары глаз на голове ее виднелась выпуклость, навряде стекла шлема или скафандра. На втором экране было изображено непонятное, и, долго разглядывая его, Сашка пришел к выводу, что он видит фотографию одного из комков, что ползали по полу и лазали по стенам комнаты. На обнаруженной сегодня марке был инопланетный зоопарк.

Собравшись с мыслями, Сашка сел за обещанное письмо».

Влад нахмурился: кто читал ему книгу и кто вообще открыл ее? Напрашивались три ответа: один – логичный, но неприятный, другой – маловероятный, а третий – и маловероятный, и нелогичный, и не более приятный, чем первые оба. Согласно первому – книгу читал он сам, но не заметил, забыл или, вообще, у него развивается разделение личностей, и сам он потихоньку съезжает в клинику. Второй вариант предполагал наличие злоумышленника, который пробрался в его дом и открыл книгу, пока он спал. А еще этот злодей был столь любезен, что почитал книгу вслух, иначе откуда бы Владу помнить детали сюжета. Это не так невероятно, если поверить в привидений или зеленых человечков на летающих тарелках. Третий вариант состоял в том, что книга обладала... способностью передавать – читать или пересылать телепатически? – себя задремавшему читателю.

Почему я не верю в зеленых человечков и привидений? – В отчаянии подумал Влад. Он закрыл глаза и минут десять пытался придумать убедительный способ подтвердить свое сумасшествие, потому что сумасшедшим себя не чувствовал.

Что-то забормотало, забулькало, это было похоже на то, как человек бы полоскал горло с закрытым ртом. Нечленораздельное бульканье вскоре стало более различимым, связным, и спустя пару минут Влад начал разбирать слова.

Книги на полке ссорились: нахохлившись, «Чапаев и Пустота» Пелевина толкала «451 градус» Рэя Брэдбери, шипела и декламировала свои отрывки; «Основание» Азимова отрешенно бормотало фрагменты космических хроник, крошечная «Чайка Джонатан Левингстон» Баха прямо-таки порхала тут и там, подскакивала то к одной, то к другой из «старших» и с юношеским задором кричала по-английски. «Игра в бисер» Гессе смотрела на всех лукавым взглядом, молчала, лишь изредка вставляла полные достоинства словечки и снова смотрела, любовалась. Книги спорили, суетились, перебивали друг друга, стоял птичий базар, непрекращающийся гвалт, бесперывный гул.

Неожиданно шум стих. Все спорщики и крикуны смолкли. На полке появилась Она. Книга неторопливо подходила поочередно к участникам недавнего базара и читала всех. Читала вслух.

Рядом, замороженный, то ли сидел, то ли лежал, то ли парил в воздухе Влад и слушал: какие-то из книг на своей полке он читал, до каких-то не доходили руки, и они, видимо

возмущенные, теперь срывались от нетерпения быть прочитанными. Кто-то пытался тараторить скорее Книги, но она очень быстро наводила порядок, и нарушитель замолкал, смиряясь и ожидая своей очереди.

Утром Влад проснулся, как обычно. Как всегда неожиданно вспомнился сон. Однако было такое ощущение, будто сон был не один, а снов было много, и главное – все они отчетливо проступали в его памяти, не меркли и не улетучивались. Во сне Книга читала ему книги с полки. Он окинул взглядом свою беспорядочно выстроенную библиотеку, здесь рядом с Экзюпери соседствовал Саймак, и рядом же – томик по работе с программой Photoshop. Книга читала все подряд, и как книги стояли на его полках, так и оказались прочтенными. Примерно десяток за ночь. Некоторые из них врезались в память очень сильно, другие – оставили ощущение безвкусного джема, дрожжевой массы. В память впечаталась и жила теперь в его сознании пустыня из «Планеты людей». Многослойные книги-пластины погибшей цивилизации из «Заповедника гоблинов» казались милыми, но чересчур фантастическими. С невероятным мужеством боролись с Тьмою крохотные хоббиты Толкиена. Какими-то яркими, но смазанными пятнами высвечивали теперь повести Баха, но это было еще ничего, потому что непереваримой массой неопределенного содержания в его голове пенилось... что же это было?.. Саймон Грин «Искатель смерти»!

Странно, когда-то ему нравилась эта книга. Когда-то. Вряд ли он стал бы ее перечитывать теперь. Особенно после такого сна. Да уж, подумал он, надо бы покритичнее выбирать книги и навести порядок на полке. Не ровен час, Книга почитает ему еще что-то. Он усмехнулся и переставил несколько книг, а кое-какие убрал с полки и забросил в чемодан под кроватью.

Он поступил наиболее практично: на самом виду остались те книги, которые он давно хотел почитать, но не успевал.

Был выходной, и после всех приготовлений Влад решил прогуляться по магазинам. Отличная погода, подумал он, выходя на улицу! В первую очередь его заинтересовала букинистическая лавка на ул. Суворова. Книга лежала во внутреннем кармане куртки. Он не знал, будет читать ее или нет в дороге, но оставлять ее одну дома... его позабавила такая формулировка, возникшая в голове, когда он обнаружил, что берет книгу с собой... не хотелось.

Лавка отыскалась быстро. Вывеска с не слишком интригующим названием «Старая книга» вела в магазинчик, который был как любой магазинчик, однако веяло от него невероятной ветхостью, но и умудренностью. Влад вошел и растворился в мире тусклых, не блестящих и новых, свежизданных книг с яркими обложками, а старых, кем-то читанных, а иногда читанных-перечитанных и даже зачитанных вдрызг книжек, с клееными, с перешитыми, а иногда и просто разваливающимися переплетами. Книг в лавке было много. Лавка напоминала библиотеку, стеллажи почти до потолка с лесенками занимали три с половиной стены. Полстены напротив входа занимало место продавца. На прилавке и рядом на полу лежали старые журналы подшитыми пачками. Посередине магазина также располагались столы, загроможденные стопками книг – огромными, тяжелыми энциклопедиями, словарями и справочниками: том к тому.

Вообще-то, за девятнадцать лет владовой жизни для книг многое переменялось. И хотя книги по-прежнему издавались, все чаще в транспорте можно было увидеть людей с планшетами ЭК и все реже – с книгами. Влад в этом отношении мог считаться динозавром, поскольку долгое время обходился без планшета, зато коллекционировал бумажные издания. Сказать по правде, печатали сейчас все больше коллекционные серии, которые сразу же оседали на полках любителей многотомных собраний. «Книги, которые подойдут под вашу мебель» - гласил знаменитый рекламный лозунг.

Влад заметил тома БСЭ (третье издание, первым томам которого через 10 лет исполнится век!), «Животный мир» Брэма по умеренной цене. Сборники картинных репродукций: сердце его восторженно забило, когда он почти нежно перелистывал страницы с полотнами Дали, Ван Гога, Сальвадора. Ровными рядами расположились собрания

сочинений Достоевского, Чехова. Лавка оказалась чудесным миром, в котором было восхитительно находиться и немного печально от того, что все это разом нельзя унести с собой, и еще от того, что кто-то выпустил из своих библиотек все эти несметные сокровища.

За прилавком сидела милая девушка в джинсах и свитере и листала любовный роман. Неужели в таком магазине может работать такой продавец?! Это было невероятно. Влад представил сейчас, какой он может получить ответ, если спросит у нее о книге «Маленький, большой» Краули или попросит поискать «Страну чудес» Мураками. Нет, решительно, эта девица, пусть даже симпатичная, – здесь совсем не к месту. Однако, другой не было, и он подошел к прилавку.

– У вас есть говорящие книги?

– Какие книги? – ему показалось, что она удивленно подняла глаза и еще не понимала, как правильно нужно реагировать.

– Ну, самые обычные... говорящие, которые, если перечитываешь, то обнаруживаешь совсем другое. Про себя или про прежних читателей. Которые сами себя... рассказывают. И могут читать другие книги с книжной полки... – он живо представил, как выпалит это разом. Если бы он хотел познакомиться, может быть, он бы так и сделал, но сейчас он спросил просто:

– У вас пару дней назад купили одну такую, «Угасающий мир», автор Венский, издание девяносто девятого года, Тверь, серия «Отражение».

«Пару дней» я сказал?... - подумал Влад, - но как же, ведь он сам читал книгу уже полторы недели, и столько же она была у Ланы. Почему же он был уверен, что лишь пара дней прошла. Он собирался исправиться, но ему ответили:

– Ксандр Венский, – через дверь позади прилавка появился пожилой человек невысокого роста с толстыми очками, короткой стрижкой, круглым добродушным и внимательным лицом, слегка, как показалось Владу, высокомерный, но вызывающий уважение. – «Угасающий мир», – занятная, наверное, книжка.

– А, вы – продавец, – облегченно вздохнул Влад, бросив мимолетный взгляд на девушку, которая скрылась через ту самую дверь, через которую мужчина вошел, – это хорошо, – вы, значит, знаете, что эта книга может...

– Знаю, – мужчина не дал ему закончить, – не знаю как, не знаю почему и зачем.

– А есть еще такие книги?

– Пока нет.

– Что значит, пока? – Влад слегка растерялся. – Значит, периодически они появляются? Часто бывают?

– Давно не было, – задумчиво ответил продавец, – довольно давно. Они все из серии «Отражение», две – Венского, вторая «Серебряный витраж», еще две Петра Злотяна «Альфа и Омега» и «Кислый день творения», Лидии Бражиной «Наперекосяк»... вот, наверное, и все. Каждая вышла небольшим тиражом, настоящая редкость для знатока. Да вот только... – он сделал паузу, и Влад спросил, не дожидаясь:

– Что только? – острое любопытство на пороге великого открытия захватило Влада.

– Эти книги мало кому известны. А из тех, кому известны, большинству ненавистны, так что сейчас они – самая настоящая редкость. В 2004-м издательство закрылось, книги Венского и Бражиной, насколько я знаю, выходили после смерти авторов.

– А вы сами... читали? – неожиданно спросил Влад.

– Только «Наперекосяк», потом сжег.

– Но как...

– Уже несколько лет прошло. После того, как сжег, через полгода, – обвел взглядом стены, – вот этот магазин открыл. Когда «Угасающий мир» появился, читать не решился. Книгу молодые принесли. Видимо, кто-то из стариков умер, книги никому не нужны стали. Среди Платонова, Чехова, Зощенко и эта оказалась.

– Что же такого в ней... отчего сожгли?

Мужчина замялся, но ответил:

– Испугался. Что-то меня тогда напугало, – и, предвосхищая новые вопросы Влада, он настойчиво спросил: – Выбрали что-нибудь?

– Да нет еще, – Владу хватило такта, чтобы не продолжать, – много чего здесь хорошего есть, так бы все разом и унес. Знаю, что не смогу. Даже не в деньгах дело, хотя и с ними негусто. – Девать некуда. Я буду приходить иногда. Меня Влад зовут.

– А меня Михаил. Ты поосторожнее с Книгой. Она может оказаться опасной. – Влад отчего-то не возразил, хотя и не был согласен. А ведь на самом деле, так ли много он знает об этой книге? Ну, на поверку история про мальчика. Еще книга может помнить все про него и про Лану. Возможно, книга даже дописывает себя по его повелению, – он вспомнил первый рисунок. Или выбирает, какие книги ему следует читать, – он подумал об убранных в чемодан историях Грина и Муркока.

– Что вы имеете в виду? – Но мужчина только покачал головой.

– Не знаю, и не спрашивай. Пока я не могу или не хочу тебе ничего рассказывать. Есть, кстати, хорошая книга, – ясно было, что он переводил разговор, – Джонатана Кэрролла.

– Что? А... Нет, пока не нужно.

– Тогда, может быть, – продавец заметил, как Влад встрепенулся, услышав имя автора, потому что тут же предложил другую книгу: – «Алиса в стране чудес», с комментариями и гравюрами?..

Такие совпадения не случайны.

Через пятнадцать минут Влад вышел, неся отличное издание столетней давности самой известной сказки Кэрролла, которая была написана и того раньше – почти два века назад. Он оставил свой телефон, на случай, если появятся книги «Отражения». Хотя не очень-то надеялся. Видимо, такой шанс – один раз на миллион выпадает. Лане пока рассказывать не стал. Он вспомнил ее реакцию на прошлый разговор и решил, что это будет не самой лучшей темой.

Влад уже несколько раз принимался наблюдать за Книгой: как все-таки этому небольшому томику, ничем не отличному от сотен других, удаются такие чудеса. Вот перед ним раскрытые страницы. Сколько их не перечитывай, чудеса не произойдет. Здесь напечатано одно и то же. Переворачиваешь страницу – текст другой. Это неудивительно, когда ты листаешь вперед: мы все привыкли, что на новой странице новый текст, а вот чтобы, перелистывая назад, обнаруживать новое... Однако же, – Влад снова пытался не просто обнаружить, но проникнуть, понять причину, – страница перевернулась. Теперь там, на оборотной стороне, новый текст. – Он вернул страницу обратно: так и есть. В этой книге каждая страница – новая.

Влад ехал домой. Он глядел из окна трамвая на грязно-снежные улицы, на серебряные деревья, на неярко-голубое небо, бледное солнце. В пакете под мышкой была зажата «Алиса», а во внутреннем кармане была Книга. Читать сейчас не хотелось.

«Уважаемый Александр.

Пишет Вам, от лица членов центрального московского клуба филателистов, Сергей Романович Астафьев.

Нас чрезвычайно заинтересовали описанные Вами в письме марки, поскольку обнаружить серию, подходящую под Ваше описание, нам не удалось. Мы были бы Вам чрезмерно благодарны, если бы Вы выслали нам одну из вышеназванных марок неизвестной серии для более внимательного рассмотрения. Сохранность и возврат клуб Вам гарантирует.

От себя хочу добавить, что готов рассмотреть любые Ваши предложения по приобретению вышеназванных марок, поскольку чрезвычайно заинтересовался бракованными экземплярами неизвестной серии.

С уважением, С.А.»

Сашка дочитал письмо и нахмурился. Он же высылал одну марку, в его альбоме оставались лишь две последние, а этот Сергей из клуба просит прислать экземпляр. Сашка раскрыл альбом, достал две оставшиеся марки и... тут обнаружил, что третья (найденная первой) марка тоже оказалась здесь, в альбоме. Она прилипла к марке с «зоопарком», как Сашка окрестил для себя ее сюжет.

Можно было предположить, что он только собирался положить марку, но забыл. Или даже не заметил, что марка прилипла, но он точно помнил как к л а л марку в конверт, и что в альбоме оставались ровно д в е марки, а не три. Он почесал лоб и сходил на кухню за стаканом молока.

Пора становиться Холмсом, – решил мальчик, вернувшись в комнату.

Он достал лупу и зажег лампу, склонился над марками. Решив, что света недостаточно, он включил еще люстру и направил зеркало настольной лампы прямо на марки. Пригляделся... и отпрянул.

Сначала медленно, но постепенно, будто входя в ритм, обитатели марок зашевелились, задвигались... – марки ожили. Одинокий жилец первой марки медленно повернулся к камню, подошел, или вернее подполз, «подтек» к нему. Что-то сделал, – и арка в стене закрылась. Он еще поколдовал с камнем, и изображения на экранах стали сменять друг друга: планеты, астероиды, кольца, звезды. Он просматривал их, будто пролистывал энциклопедию или, быть может, просматривал обстановку, как если бы был охранником перед монитором. Три жильца крутились у «агрегата» и, видимо, беседовали о чем-то, потому что поочередно глядели друг на друга, кивали и совершали иные труднопередаваемые действия. Круглые существа беспорядочно лазали по стенам и потолку, катались по полу, причем делали это достаточно лениво. Их деятельность не представлялась осознанной. Иногда в стене открывались кормушки, а любой беспорядок и посторонние предметы, оказавшись на полу, – медленно растворялись или всасывались.

Но важно было не то, чем занимались обитатели марок, а то, что марки – жили. Марки были не картинками с изображением комнат, они сами были комнатами. И хотя они оставались плоскими прямоугольниками бумаги с зубчатыми краями, в то же время они были окнами в другой мир или, может быть, иллюзией, голограммой, видеозаписью. Как бы то ни было – т а к о г о н е м о г л о б ы т ь !

Мальчик отвел лампочку и призадумался.

Он еще раз взглянул на марки и... ничего не обнаружил. Изображения – жильцы, экраны, комочки, – оставались неподвижными и неизменными. Вот только... застыли они совсем иначе, чем прежде, и марки теперь выглядели по-другому. У Сашки мелькнула догадка: он направил лампочку на марку и пригляделся. Снова медленно, но потом быстрее, комочки стали лазать по стенам, кататься по полу... маркам нужен был яркий свет.

И марки действительно были живыми.

Сашка решил пока не писать в клуб.

И ничего пока решил не рассказывать Кириллу Петровичу.

Он решил понаблюдать.

Несколько дней Сашка регулярно следил за происходящим в марках. Он устраивался за столом, включал все лампы, а настольную направлял на марки и терпеливо смотрел в лупу за существами. Правда, по ту сторону марок, в затерянных комнатах мало что менялось – комочки все так же ползали по стенам, – впрочем, чего еще ожидать от обитателей зоопарка? – трое о чем-то болтали у «агрегата», но что показывал экран на искаженной перспективой стене – было не разглядеть. Одинокое существо в комнате продолжало ходить от камня к экрану. Иногда существо что-то делало у камня, видимо, переключало канал, или камеру, или что-то, и тогда изображение на стене менялось.

Космическая лестница, теряющаяся в бесконечности Вселенной, теперь появлялась редко, зато все чаще существо наблюдало за огромной сияющей звездой. Звезда была прекрасна, и даже крохотная, нарисованная на марке будто слепила глаза. Сашка обнаружил, что иногда на поверхности звезды проступают серые пятна, скрывающие ее блеск, сдерживающие и будто проглатывающие, в такие разы звезда становилась тусклой. Потом пятна уползали, меняли местоположение или совсем исчезали с сияющего круга звезды.

Иногда экраны показывали Сашке планеты, или спутники планет, или даже странные околопланетные сооружения – наверное, станции, – или даже отдельные фрагменты чужих миров – кратеры, маяки, покрытые куполами города, или, может быть, научные комплексы. Что такое было все это – Сашка не знал, он мог лишь строить догадки. Он лишь кропотливо,

как астроном, наблюдал за своими марками и даже завел дневник, в который стал записывать свои соображения и, по возможности, подробные описания фрагментов чужой реальности.

Марки стали ярче и цвета их стали насыщеннее, из чего Сашка сделал вывод, что свет – обыкновенный свет подпитывал их, заряжал жизнью и благодаря свету марки показывали ему картины неведомого.

Сашка, по обыкновению, рассматривал марки, когда вдруг обнаружил, что существо смотрит на него. Он поморгал глазами, зачем-то огляделся по сторонам, но существо так же пристально, не отрываясь, по крайней мере, так казалось, не отворачиваясь, смотрит в его сторону. Из марки – на него, в его мир, в его комнату, в его глаза. И когда он совсем было собрался отвернуться, существо склонилось над камнем. Сашка облегченно вздохнул, а потом увидел такое, отчего невольно побледнел. На экране в комнате существа был виден человек.

Мальчик.

Сашка.

С лупой в руке.

За его спиной горели люстры.

Сашка сглотнул и отпрянул.

Он убежал подальше от стола на кровать, тело его била дрожь. Конечно, любопытство двенадцатилетнего мальчика много сильнее любопытства взрослого, а бесшабашность, неосторожность, восторженная жажда исследования неизмеримо больше, поэтому Сашка до сих пор так увлеченно исследовал загадку марок. Но и ужас двенадцатилетнего мальчика – безотчетный страх, – сильнее самого сильного страха взрослого, – он лавинообразен и громоподобен. На какое-то мгновение, взглянув в собственные глаза там, внутри марки, Сашка вдруг осязательно представил, как гаснет свет здесь в комнате, где мальчик – то есть его уже нет, – в комнате сидит кто-то другой, чуждый, – а сам он остался лишь на экране в одинокой комнате с единственным жильцом, несущимся неизвестно где и неведомо куда во времени и пространстве. А потом тот, второй, выключит свет здесь, в комнате, или существо – переключит свои каналы, и он, Сашка, – и вовсе растворится, раз и навсегда потеряет связь со своим миром, с комнатой, с квартирой, с мамой. Это ощущение возникло лишь на одно мгновение, но шок был так силен, что еще минут пятнадцать Сашка сидел на кровати с закрытыми глазами, боясь не только открыть их, но даже подумать о том, что происходит вокруг.

Потом он встал, сгреб марки, думая лишь о том, как бы не посмотреть случайно ни на одну из них, сложил их в пустой конверт, спрятал между страницами самой толстой книги, убрал книгу в коробку и поставил коробку под кровать. Он пообещал себе – никогда больше не доставать марки и не смотреть на них, забыть и не вспоминать.

Влад ловил себя на мысли, что в последнее время он частенько про себя начинал незнакомые ему до сих пор разговоры: то вдруг принимался спорить с Фрейдом, то подзадоривал Гегеля, восторженно беседовал с Эйнштейном или любовно слушал Платона – потому что Платон оказался удивительно мягким человеком. Его собеседниками становились писатели, ученые, философы. Книга читала ему романы, энциклопедии, сборники критических и научных статей. Он поглощал уйму информации. Он чувствовал себя, как никогда наполненным жизнью, он был доволен, всегда чем-то занят и, похоже, по-настоящему счастлив.

Неоднократно Влад уже ловил себя на мысли, что, может быть, Книга тут не причем, потому что с какой это стати ей что-то читать ему вслух, да и как. Ведь вот она лежит закрытая на полке. Может быть, дело не в Книге, а в нем, во Владе. Может быть, это он читает по ночам. Что если его мозг, взбудораженный Книгой, научился не только слышать Ее, но и прислушиваться ко всем остальным книгам тоже. И если этого не происходит днем, когда он бодрствует, то лишь потому, что привычная обстановка отвлекает и, в какой-то мере, отключает возможности его бессознательного. Иногда он видел себя неким спрутом, запустившим щупальца в источники животворной влаги. Он всасывал в себя эту влагу, но среди этих видений он не казался себе монстром. Он был собой. Он, как ребенок околдованный сладостями, добрался, наконец, до шоколадной реки Роальда Даля.

Влад стал больше рисовать. Он даже начал создавать свои миниатюры к сказке Кэрролла и находил час-полтора ежедневно, воплощая на бумаге давнишние идеи, и даже больше – многое, в этом Влад был уверен, пришло именно во время работы, новые мысли, новые образы. Он теперь частенько делал наброски в маленький блокнот, когда возвращался с учебы или когда гулял в ожидании Ланы по улицам. В тех же случаях, когда он не зарисовывал внезапно пришедший в голову образ или подсмотренную в окружающей действительности картину, Влад читал Книгу – историю мальчика, обнаружившего таинственные марки.

Позавтракав и уже собираясь в училище, Влад посмотрел на лежащие тут же, под Книгой, рисунки марок: ну, с аркой теперь все понятно, – думал он. – Марки живые и арки-проходы могут исчезать и появляться. – Он уже несколько раз пытался поработать над своим первым рисунком, чтобы передать то многообразие, которое могла бы передать живая марка. На рисунке сейчас было довольно много линий, разметавшихся в разные стороны, но при определенной сноровке можно было обнаружить и звезду, и планеты, и лестницу, растворяющуюся в ночной бесконечности. Про себя Влад шутил, что там сейчас столько штрихов, что всякое может померещиться. Это, конечно же, был не живой рисунок, но сама попытка показалась Владу интересной, и он работал, доводил новую для него технику до совершенства.

После училища Влад, как и планировал, зашел в офис электронной почты. Это было дешевле, чем Интернет-кафе. Он нечасто посещал подобные места: только когда возникала острая необходимость найти информацию. Дома у него Интернета не было. Впервые он сожалел, что так категоричен в отношении компьютера. Пришлось идти в общественное место, садиться за компьютер, за которым ежедневно сидят десятки людей. Раньше, когда он готовился к занятиям, информация не представлялась ему конфиденциальной. В этот раз у Влада был сугубо личный интерес – серия «Отражение», авторы – Венский, Злотян, Бражина, – и он предпочел бы сидеть в одиночестве.

Найти удалось одновременно немало и немного.

Скупые биографии, из которых наиболее интересна была биография Венского. Ксандр и Сашка – конечно, имена очень созвучные. То, что главного героя книги зовут как автора, говорит, конечно, о биографичности книги. В жизни же самого Александра Волонского, взявшего псевдоним Ксандр Венский, произошел заметный перелом в период с 15 до 19 лет. Им были написаны две книги: детская – «Угасающий мир», о жизни Александра-мальчика, и более зрелая – «Серебряный витраж», о жизни старшего Александра. Сам Венский-Волонский умер в 32 года от инсульта. Удалось также выяснить, что в старших классах школы он чем-то серьезно заболел, да так и не оправился, что заметно повлияло на состояние здоровья, и срок его жизни – тридцать два, – был едва ли не объективной границей, предсказанной врачами.

В биографии Злотяна, кроме обыкновенных отметок об образовании и переменах мест жительства, значилось немного, – автор здравствовал и по сей день. Удалось даже отыскать электронный адрес – не его личный, конечно, – но опубликованный для возможных контактов. Влад сразу же написал письмо с просьбой выслать тексты романов, а также рассказать, как, когда и при каких обстоятельствах романы были написаны, о серии «Отражение», а также, если автору что-то известно, о Ксандре Венском и Лидии Бражиной. Шанс, что адрес до сих пор кем-то просматривается, и тем более, что кто-то, прочитав его неожиданную просьбу, вдруг ответит, был невелик. Но, как сказал классик, Влад мучительно старался припомнить, кто же из его недавних оппонентов сказал слова: тот, кто ищет счастья, находит его в одном случае из миллиона, тот, кто не ищет, – не находит никогда.

О Лидии Бражиной не удалось найти ничего, кроме того, что он уже знал: ею была написана одна книга, а сама она незадолго до выхода книги умерла.

Поразительно, но даже в заметках, касающихся серии «Отражение», авторов серии, биографий Венского и Злотяна, не промелькнуло ни слова, ни упоминания о говорящих книгах. Влада не так удивляло, что до сих пор не свершился бум, возвестивший миру об этом феномене, в конце концов, уже три примера – Михаила, Ланы и его собственный, – наглядно демонстрировали, что афишировать знакомством с говорящими книгами никто не спешит.

Другое дело – начисто игнорировать этот факт. Отчего-то такая секретность вызывала самые серьезные опасения.

Как ни старался, Сашка никак не мог выбросить из головы странные марки, – а тут еще Кирилл Петрович с порога завел разговор.

– Ну, как успехи, сыщик ты мой? Разузнал что-нибудь про марки?

Сашка хмуро кивнул, но чем-то взволнованный Кирилл Петрович, казалось этого даже не заметил, ему не терпелось что-то рассказать, чем-то поделиться... и Сашка был ему за это благодарен. По крайней мере, он так думал.

– Посмотри-ка сюда, – сказал Кирилл Петрович и исчез где-то под прилавком, потом извлек конверт без каких-либо опознавательных знаков – самый обычный с виду конверт, – сердце мальчика сжалось, – я перерыл весь свой магазин и нашел их. – Странно, первый испуг прошел, или на мальчика успокаивающе действовал голос старшего друга, или, может быть, время прошло, и он, сам того не заметив, успокоился. После того, как он понял, что именно сейчас покажет ему Кирилл Петрович, Сашка перестал бояться, он просто ждал. – Ты только подумай, – продолжал продавец, – ни в одной накладной не числятся, ни к одной серии не относятся, откуда взялись – неизвестно, как будто и нет их вовсе.

Он высыпал из конверта на прилавок перед мальчиком еще три марки:

– Вот они, смотри-ка...

И вдруг разоткровенничался, будто боялся, что Сашка потеряет интерес и не станет слушать:

- Я ведь сначала и не заметил их. Как будто их не было. А потом вдруг разом стал находить то тут, то там. Как будто они ждали чего-то. Да и когда нашел: кусочки бумаги и ничего более, белые. А когда я догадался, что это такое, что это именно марки твои, то картинки проступили как на фотобумаге.

Мальчик очень серьезно посмотрел на старшего товарища и попросил включить весь свет и принести еще лампу. Кирилл Петрович удивился, хотел было что-то рассказать еще, но передумал, сделал, как просил Сашка, исчез где-то в задней комнате и вернулся с простой лампочкой на длинном проводе. Мальчик попросил включить лампу, и прикрыв глаза от яркого света приблизил лампу к маркам. Понадобилось минут десять, все это время Кирилл Петрович молча ждал. Наконец, марки ожили. Старик вооружился лупой и долго рассматривал их, не произнося ни слова.

– Вот, значит, как... – наконец проговорил он, – наверное, это как видеокассета на солнечной батарее. Светишь – начинает прокручивать запись на пленке. Но зачем в форме марки? И как так могло произойти, что целая партия таких фильмов оказалась случайно рассована по марочным конвертам.

Сашка ничего не стал рассказывать о своем отражении в марке, не стал говорить Кириллу Петровичу о том, что марки живые, и что это совсем не запись. Он только кивнул и посмотрел на новые марки, поочередно поднося их так, чтобы подробно рассмотреть.

– Да ты бери их, – заторопился Кирилл Петрович, но было件нятно, что сам он еще обдумывает неожиданную находку, а потом добавил: – Тут не в Клуб филателистов писать надо, а в академию Киноискусства.

Мальчик не стал спорить. Он взял марки.

Вернувшись домой, Сашка вытащил из-под дивана коробку, книгу и достал марки. Он включил свет и разложил свои сокровища перед собой: шесть марок, шесть живых марок. Прежние марки, запертые им под кроватью, были совсем бледными и почти бесцветными, видимо, плохо им пришлось без света. А он сидел под лампой, смотрел на марки и ждал. Очень скоро принесенные марки ожили, но он продолжал ждать, когда станут ярче, наполнятся цветами и жизнью его старые марки.

И не дождался.

Они оставались бледными. Он поднес лампу совсем близко и держал ее там, но это не помогло. Его прежние марки... умерли.

У Сашки в доме никогда не заводили животных, и потому его животные никогда не умирали, не болели, не падали с балкона и не разбивались о решетки клетки. Он не знал

горечи потерь еще, но в этот момент очень остро почувствовал, как будто какая-то часть его погибла. Марки не были его друзьями, не были его питомцами. Но они ничего не могли поделаться, они хотели лишь света, который он мог дать им, который был им не просто нужен, но жизненно важен. Марки попали к нему, именно к нему, и именно он должен был о них заботиться, он был в ответе за тех крошечных живых существ. И он не справился, он отвернулся, он, полный страха и, может быть, злости, лишил их света и жизни. Не желая, не зная, не догадываясь, но и непоправимо. Он убил свои марки. Бледные, бесцветные, они лежали перед ним мертвые, и, как будто, холодные.

С кухни доносились голоса: к маме зашла ее подруга, и они о чем-то говорили. Сашка не прислушивался, но в наступившем безмолвии каждый звук был подобен грому.

– Ты знаешь, – говорила мама, – он такой взрослый. Это меня даже пугает иногда. Нет, конечно, это очень хорошо, когда сын может сам сходить в магазин, когда на него можно оставить квартиру и знать, что ничего плохого не случится, но знаешь... куда девается его детство?

– Ты просто не хочешь, чтобы он вырос, – засмеялась подруга, – когда он вырастет, он заведет семью и куда-нибудь уедет, и ты боишься, что будешь видеть его только иногда, по выходным.

– Может быть, но он правда взрослый. Взять хотя бы его увлечение марками – в двенадцать лет узнавать, собирать, покупать. Он даже переписывается с Московским клубом, и взрослые люди отвечают ему не как мальчику. Я видела письмо у него на столе. Только бы эта серьезность не сделала его несчастным... Он у меня такой ответственный, – тема разговора сменилась, мама стала вспоминать какие-то истории.

А в голове Сашки звучало: ответственный. Вот какой он ответственный. Много еще предстоит узнать об ответственности. Он сложил мертвые марки в конверт и запечатал его. Ему даже в голову не пришло пытаться всучить их Астафьеву из клуба, хотя теперь он хорошо знал, как ценятся бракованные марки и как за ними гоняются другие филателисты. Правда, и хоронить марки казалось ему – как-то слишком... Он вложил их в ту же самую книгу и коробку. Убрал под кровать. Он сделал это, как древние египтяне воздвигали гробницы фараонам. Себе на память. Теперь-то он будет знать, что такое ответственность, – думал Сашка. – Теперь-то он никогда об этом не забудет.

Он попытался лечь, но не спалось. Он лежал и ворочался, голоса на кухне стихли, подруга ушла. Мама вымыла посуду, заглянула к нему, погасила лампу на столе и ушла в комнату к отцу. А Сашка все продолжал вертеться и никак не мог уснуть. Потом встал, и как был, в майке, сел за стол, включил лампу, поднес к маркам. Он принял решение. Ему нужно, не просто чтобы марки ожили, он попытается заговорить с существами. Он должен это сделать.

Существо было двое. Одно обитало в комнате с Дудкой – так Сашка назвал штуковину, напоминающую волюнку, только стоящую на полу, и трубки, торчащие из бесформенного мешка, вились как змеи. Дудка стояла в одном углу комнаты, а смотритель – расположился у «камня» в другом. Еще в комнате на стене висел экран, и было два арочных выхода, хотя, как Сашка теперь знал, выходы в комнатах могли появляться и исчезать по воле жильцов.

Второе существо находилось в комнате, в которой по центру вращался огромный – в полкомнаты – глобус. Шар глобуса висел над землей без видимых приспособлений, без веревок, тросов или подставок – сам по себе, и поверхность его была разделена по меридианам на два полушария – серебристое, похожее на Луну в лучах солнца, и багряное – напоминающее Марс. Оба полушария были изъедены шрамами и кратерами, источены метеоритным дождем. Сашка решил, что глобус изображает не одну, а сразу две планеты, возможно, – спутники планеты существ, или как Марс и Венера для Земли – ближайшие соседи. Смотритель расположился у «камня». Два экрана на стене изображали две планеты – голубовато-серебристую и красную. Планеты вращались вокруг оси и являли взгляду то один свой бок, то другой.

Последняя марка показывала комнату, в которой была лишь статуя похожего на попугая существа, «попугай» восседал на постаменте, из чего мальчик и сделал вывод, что это

статуя. Ближе к Сашке расположились сразу три «камня», но обитателей не было, и экраны на стене позади «попугая» были погашены.

Нужен свет. Сашка был полон отчаянной решимости заговорить, или обменяться жестами, или иным образом наладить контакт. Он решил больше не убирать марки. Как же уберечь их от любопытных взглядов? Не хватало еще, чтобы отец или мать увидели живых обитателей марок у него на столе. Стекло. Он вытащил из шкафа небольшое – в четверть стола, – стекло и положил на марки, предварительно прикрыв их марлей. Чтобы конструкция не бросалась в глаза, мальчик поместил под стекло также календарь, а потом, порывшись в ящичке стола, – большую вырезанную из газеты картинку с динозавром. Теперь можно было уходить в школу не беспокоясь, что кто-то найдет марки, или что, оставшись без света, они опять уснут или погибнут.

Марки теперь как никогда были полны цветом и жизнью.

Ежедневные солнечные ванны на письменном столе обеспечивал свет из окна, а ночью Сашка включал ночник и, разложив в светящемся круге марки, накрывал все покрывалом, чтобы горящая лампа не привлекала внимания родителей. Примерно через неделю смотритель заметил мальчика.

Хотя Сашка сам очень ждал этого, он все-таки растерялся от неожиданности. Существо посмотрело с марки прямо на него. Это был долгий, совершенно непонятный, потому что не было видно глаз и невозможно было прочесть каких-нибудь эмоций, взгляд, тем более Сашка не знал, как можно передать существу, что и он – земной мальчик, – видит его и готов слушать или рассказывать. Он просто помахал рукой. Может быть, в пустой полутемной комнате, с включенным ночником – это выглядело не слишком серьезно и внушительно, но Сашка ничего больше не придумал. Существо кивнуло и вернулось к работе, то есть к «камню». Сашка заморгал и уже через пару минут не мог с уверенностью утверждать, что все это ему не привиделось.

Скоро смотрители стали здороваться с ним. Оба существа каким-то невероятным образом обнаруживали его приближение, отрывались от работы и кивали ему. Правда, потом снова погружались в свои дела, но сам факт наполнял мальчика теплом. Он чувствовал себя наполовину прощенным. Может быть, они еще ничего не знали о тех, прежних, но... все-таки теперь он делал все, что мог, чтобы уберечь их от гибели и, если удастся, помочь им.

Сашка разложил марки на столе и ушел на кухню за молоком. Когда он вернулся к маркам, то что-то его насторожило. Он присмотрелся и обнаружил, что существо из марки с планетами... исчезло.

Такого раньше не бывало. Существа ходили по комнатам, двери в стенах появлялись и исчезали, но они всегда оставались на своих местах. Пока он пытался что-то сообразить, существо появилось в комнате с Дудкой, и теперь два существа стали, по всей видимости, переговариваться. Две марки лежали рядом, – это, конечно, чушь, – подумал Сашка, – но марки лежали рядом, арками друг к другу... – и существо перешло из комнаты в комнату, как если бы это были комнаты дома. Ерунда какая-то.

Два существа болтали, когда вдруг заметили Сашку. Они обратили к нему свои щели-глаза и замерли. Сашка напрягся и ждал. Существо включило экран, и мальчик испытал то же самое ощущение – на экране была его комната и он сам. Он вздрогнул, но остался. Он сначала отчетливо кивнул существам, а потом замотал головой, давая понять, что показывать это вовсе не обязательно. Двойник на экране в глубине марки повторил его движения. Существо тоже кивнуло, и экран за его спиной погас.

Это была первая Сашкина победа.

Он еще долго наблюдал за существами, когда вдруг обнаружил, что второе из них собирается покинуть комнату. Он решил проверить свою догадку и приставил к марке ту, где был постамент с «попугаем». Существо скрылось в арке и на какое-то время исчезло.

Сашка рассмеялся.

Существо появилось вновь в комнате с планетами.

Мальчик пришел к выводу, что экран на невидимой стене марок, через который мальчик видит чужой мир, включен всегда и всегда настроен на его реальность. Интересно, что бы произошло с маркой, если бы существо его выключило или переключило канал.

Теперь существа кивали каждый раз, он кивал в ответ и продолжал изучать незнакомый мир.

Через несколько дней началось обучение.

Как-то в разговоре с матерью Сашка заговорил о солнце. Женщина даже вздрогнула от неожиданности, такой взрослой показалась ей речь сына:

– Вся наша жизнь – это текущие силы солнца. Оно миллиарды лет источает свет, тепло, молекулы вещества, радиацию. Все это оседает на планетах, и, в конце концов, появляется атмосфера, а за ней жизнь. Тепло и свет, как дождь, падают на поверхность земли, согревают моря, согревают землю, растения и животных, свет дает энергию фотосинтезу и образуется кислород, который потом нужен всему для жизни. Мы все – растения, звери, люди, – живем, поглощая стекающую из солнца силу. Мы не задумываемся об этом, и это было бы странно, ведь солнце способно жить миллиарды лет. Но истинное положение вещей таково: солнце – бог, чьей божьей милостью существует все живое на земле. В каком-то смысле мы просто глотаем эту манну небесную, глотаем руками и ртом, не задумываясь, чье все это и чему мы обязаны всем своим существованием. Уголь, нефть и газ, все то, что дает энергию человеческим машинам, это падавшие миллионами лет с солнца крупинцы жизни. И то, что солнце копило миллионы лет, мы растрачиваем за минуты...

Мать испугалась, все это показалось ей очень странным, но она только спросила, все ли с ним в порядке.

Сашка, вздохнув, ответил, что он кое-что узнал за последнее время, и теперь в его голове многое перемешалось и, честно говоря, он не знает, что со всем этим знанием делать и как дальше жить.

Женщина, все еще видя в мальчике ребенка, своего сына, лишь успокаивающе пообещала, что все будет хорошо, что они с отцом всегда будут рядом, и что, если его беспокоят какие-то мысли, то ему следует все рассказать, и тогда все будет как раньше.

Сашка не стал ничего рассказывать. Говорить о чужих существах маме было бессмысленно. Он просто обнял ее и расплакался.

Добрый Бог не такой уж и добрый, – подумал Влад. Его познания в области астрономии были более чем обрывочны, но он знал о солнечной радиации, которой наполнен космос вблизи звезд и от которой землю защищает слой атмосферы. Знал он и о том, во что превратился Меркурий – планета, ближе всех расположенная к светилу, – выжженная теплом и радиацией, изуродованная рывтинами, кратерами, ударами солнечных вспышек. Подобная участь постигла и Марс: находясь к Солнцу слишком близко, планета растеряла всю свою атмосферу, а следом и всю влагу, а с ними – всякую надежду на жизнь. Да и сама Земля получила от огненного божества несколько ожогов в виде пустынь – на африканском, австралийском и евроазиатском материках. А северные сияния на полюсах – это ответные удары магнитного поля Земли против непрерывных атак солнечной радиации.

Так что получалось, что великий и славный Бог – Солнце, был довольно эгоистичным, или, по крайней мере, беспристрастным в отношении своих детей. Хотя такова природа любого божества, – продолжал думать Влад, – добро и зло суть едины в нем. Бог творит, но у него своя воля и свои мотивы. Смертным остается лишь верить, что все деяния Господни имеют благие цели, пусть даже деяния эти не являются благом для смертных.

В таком ключе можно текст Библии трактовать иначе: Да будет Свет, сказал Бог, и отделил свет от тени. В микромасштабах Солнечной системы это можно рассматривать как мгновение, когда Солнце вспыхнуло, и началась вся история с планетами. Эта теория ничем не хуже любой другой.

Влад бросил Книгу в карман и отправился учиться. Он и не подозревал, с какими новостями ему предстоит вернуться сегодня.

Петр Злотян ответил. Лично.

Правда написал он немного, поблагодарил за оказанное внимание, упомянул, что располагает кое-какой информацией и оставил свои on-line координаты. Не зная, на что, собственно, рассчитывать, Влад прошел регистрацию на подсказанном поисковой системой сайте, обратился к виртуальному собеседнику, чьи данные были оставлены ему в письме и... оказался один-на-один с живым автором двух книг серии «Отражение».

В первую очередь, писателя интересовало, откуда Влад узнал о книгах и какова цель его изысканий.

Влад в общих словах описал, что в его руки, дескать, попала некоторая книга, которая его заинтересовала, отчего он решил узнать побольше об авторе, а затем, обнаружив ряд загадок, о серии «Отражение». Говорить об эффекте Книги Владу пока не хотелось, он еще не слишком доверял своему невидимому собеседнику, поэтому представил ситуацию так, чтобы ее можно было списать на любопытство или, в крайнем случае, журналистский интерес.

Видимо, Влад выбрал не тот тон, поскольку, П.З. очень быстро задал вопрос в жесткой формулировке: если Влад не заметил ничего необычного, то вряд ли ему удастся что-то найти и тем более – вряд ли стоит что-то искать, – эта книга не для него, а за событиями, связанными с издательством, не стоит ничего, кроме совпадений.

Времени на раздумье не оставалось, Влад испугался, что невидимый П.З. отключится, и связаться с ним после этого станет невозможным. Влад признался, что обнаружил странную особенность книги: при перечитывании текст меняется.

Видимо, для П.З. этого оказалось достаточным, чтобы он резко изменил позицию в разговоре.

Первым делом, он поинтересовался, как давно Влад обнаружил странный эффект, и как далеко он успел прочитать Книгу. (Чувствовалось, что и П.З. говорит о Книге особым тоном)

Влад, которому не очень-то хотелось так сразу раскрывать все карты, уточнил, такое ли большое значение имеет, сколько он успел прочитать.

И тогда сеть принесла кое-что примечательное. П.З. написал, что если Влад дочитал уже Книгу, тогда ему ничего не грозит, видимо, сообщил он, Книга не смогла настроиться на него, и большего он вряд ли добьется. Однако, продолжил П.З., если Влад только начинает читать и уже обнаружил такой эффект, то самое важное для Влада сейчас – это решить: хочет ли он продолжать копаться в этом деле, особенно зная о возможной опасности для рассудка или даже жизни.

Тогда Влад напрямую спросил, о какой опасности говорит П.З. и при чем тут Книга, авторы и серия «Отражение».

Ответ был таким: Книга воздействует на сознание и изменяет его так, что впоследствии такого человека уже нельзя будет считать полностью вменяемым, такой человек может уверовать в теории, противоречащие не только официальной науке, но и здравому смыслу реальности.

Влад переспросил, в том ли реальность, что Книги не могут разговаривать, или в том, что сознание невозможно передавать на расстоянии при помощи света или мысли?

Возникла долгая пауза, после которой П.З. стал, похоже, сильно взволнованным:

Книгу Вы, Влад, похоже, еще не дочитали. Прошу Вас – не торопитесь, с этого момента делайте все очень осторожно и осмотрительно. То, что вы сказали, – это логичный вывод из тех наблюдений, которые Вам удалось сделать, но будьте уверены, Вы еще очень многого не знаете. Я повторяю, теперь самое важное – не торопиться, иначе Вы просто можете не успеть подготовиться.

То, что писал его собеседник, казалось Владу на удивление непонятным, но отчетливо связанным с ним самим, он пару раз хотел переспросить, но П.З. продолжал:

Примите сейчас как факт, что пространство и время сильно зависят от фазы сознания. Книга воздействует на сознание и переориентирует его так, что, в конечном итоге, привычные понятия пространства и времени нарушаются. Вы заметили, что меняется содержимое Книги – это первый след замещения функции пространства. У вас процесс потребления информации

стал интенсивнее – это уже следы замещения функции времени. Вы не замечали, ничего странного со временем не происходило? Ваше ощущение времени не менялось?

Ничего такого, ответил Влад, и П.З. снова задумался.

Тогда Влад перехватил инициативу и завалил собеседника вопросами: о чем вы говорили? Что вы имели в виду под замещением функции пространства-времени? Что происходит с сознанием? Чем это должно закончиться? Откуда вы все это знаете? Вы сами читали Книгу? Может ли Книга воздействовать не на всех? Почему именно на него?..

Вопросов было так много, но П.З. молчал, и вскоре Влад перестал писать.

Тогда П.З. стал отвечать.

Я читал их. Обе книги Венского. Я не знаю, почему на некоторых Книга действует, а на некоторых нет. Я успел обнаружить изменения и вовремя остановился, и я не так часто перечитывал уже прочитанные страницы – у меня всегда была хорошая память. Поэтому на мне эффект отразился не так сильно. Даже сейчас, когда мне удалось стабилизировать воздействие эффекта, я иногда ловлю себя на мысли уйти от реальности. Я писал свои книги под эффектом, но старался сделать это как можно мягче, как можно тактичнее, без тех пагубных последствий, способных привести к гибели. Я пытался воздействовать на сознание лишь в той мере, чтобы раскрыть его внутренний потенциал, выпустить фантазию и помочь читателю развить те навыки, которые бы не противоречили реальности, а были бы подспорьем в ней. Лида, моя добрая знакомая, читала и книги Венского, и мои, может быть, в ее сознании перехлестнулись две эти субстанции, и она... вы ведь знаете, что Лидия Бражина...

Умерла? Да знаю, об этом я, в частности, тоже хотел узнать поподробнее.

Умерла? Не знаю. Не совсем. Она сдвинула фазу сознания и переместилась в другие плоскости, хотя ее тело... да, врачи не смогли содержать его живым в нужных условиях. Тело официально погибло. То есть Лида погибла, хотя я точно знаю, что она не исчезла, если вы об этом.

Разговор все больше напоминал беседу двух прожженных эзотериков. У Влада от неожиданности и так все мешалось в голове, мысли путались, поскольку он не мог выбрать, чему из услышанного верить, а чему нет. Он попросил П.З. прислать тексты его книг.

На что П.З., если бы сидел рядом – наверняка бы взвизгнул, а так – лишь написал:

ВЫ НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛИ? Я не знаю, какой будет эффект от прочтения двух разных точек зрения. Вы и без того подвергаетесь большой опасности... хотя... – его тон заметно изменился после этого. – Все это выглядит для вас сейчас как, по меньшей мере, бред или телепроповедь. Что же делать? – похоже, он уже не различал разницы между мыслями и словами, и пальцы послушно печатали и отправляли все, что было в голове у собеседника Влада. – Вот же! Нам нужно обязательно увидеться, тогда я смогу вас убедить и, быть может, подготовить...

Подготовить к чему? – опять недоверчиво переспросил Влад.

К тому, чтобы с Вами не произошло того, что случилось с Лидой.

По правде говоря, все сказанное Вами не вызывает у меня ни малейшего доверия, – признался Влад, – я должен хоть в чем-то убедиться. Пришлите мне текст вашей книги. Любой. Если это вправду опасно – я обещаю не читать много, лишь просмотрю несколько первых листов.

Так и быть, – согласился П.З., – только ради Бога – не торопитесь с Книгой, лучше на время прекратите читать и как можно меньше размышляйте обо всем этом. Думать – это очень опасно. Особенно в вашем состоянии.

Владу захотелось съязвить, так без всякой причины, просто от растерянности, что, дескать, поговорка наоборот всегда учила думать, – но он не стал.

Он поблагодарил П.З. и обещал связаться с ним очень скоро. Через пару минут компьютер библикнул: пришло сообщение. Это был текст книги. Влад распечатал первые двадцать листов, чтобы в трамвае почитать. Пора было встречать Лану.

Влад вышел из почтового офиса все еще под впечатлением. Он прошел два квартала пешком и сел на догнавший его трамвай. Трамвай мягко заскользил над электрополотном.

Влад вспомнил, как отец рассказывал, что раньше трамваи были совсем другими. В них трясло, они грохотали, дурно пахли и часто ломались. Из-за этого старые полотна рельсов году в 2010-м вырвали полностью и почти тридцать лет в городе трамваев вовсе не было. И вот уже двадцать лет как пустили другие транспорты: мягкие, теплые, хорошо освещенные. В этом чувствовался какой-то смысл, ведь трамваи были прямыми наследниками поездов и стали первым городским общественным транспортом после дилижансов.

Влад даже совсем забыл, что собирался почитать распечатку. В голове еще роились какие-то обрывки фраз Злотяна, которые странным образом огромная электронная сеть донесла из другого города. Во-первых, все эти фразы были обрывочны, если не сказать бессмысленны. Во вторых, отчего-то создавалось впечатление что Злотян и Влад все это время играли в испорченный телефон, а Всемирная паутина потешалась над ними, намеренно искажая сказанное. В общем, Влад осознавал, что вопросов у него стало ничуть не меньше, а заметно поприбавилось. Найти ответы не представлялось пока возможным. Слово опасность, столько раз повторенное писателем, еще не сформировалось в его сознании в реальную угрозу, но уже начало проникать. Опасность чего? Того, что Книга помогает увидеть себя со стороны? Вряд ли. Того, что Книга наполняет потоками информации, продолжает читать по ночам, экономя его дневное время на рисование? Тоже нет. Книга выбирает за него, что читать? Да нет же – она читает все подряд, наоборот, это он стал выбирать, что оставлять у Книги на виду!

Что там Злотян говорил о времени? Искажает, смещает время?! – Влад вздрогнул, но так и не смог понять, что за мысль промелькнула по задворкам сознания...

А мысль продолжала скользить по недавнему разговору, погружалась вглубь, к началу.

Книга может не подействовать? То есть, может быть, на Лану – она не подействовала? Тогда почему девушка отдала Книгу ему? – не вязалось.

В чем выражается это «не подойдет»: в том, что отложишь книгу на пятой странице и уже не вернешься? Или в том, что прочитаешь и не заметишь, что что-то читал и через неделю забудешь? Или после первого абзаца выпрыгнешь в окно от этого «отторжения»?

Ну, последнее – вряд ли, – подумал Влад, но не улыбнулся. Было совсем не забавно.

А может быть так, – вдруг подумалось ему, – что таких книг не две и не пять, а сотни? Пусть не из серии «Отражение», а из какой-нибудь «Золотой серии». Вдруг такие книги уже сотни лет существуют, а дело в совпадении, в идейном резонансе. Вдруг существует КНИГА – для него, для Ланы, для Ленина или даже вон того кондуктора с кислым лицом (трамваи стали лучше, но лица у кондукторов все такие же, – шутил отец). Такая, что способна говорить только с конкретным человеком и быть им услышанной. А что если говорящие книги существуют плохие и хорошие и уже сотню лет ведут войну за человечьи души, а мы просто не знаем об этом? И, может быть, какой-нибудь Гитлер тоже однажды прочитал такую книгу. Или наоборот, все зависит от человека: не идеи зло, а то, во что они превращаются?

Он погладил книгу во внутреннем кармане: кто ты такая и в чем твоя цель? Он решил пару дней не читать ее, вдруг Злотян прав, и стоит попридержать события.

Натянуло туч, и в воздухе запахло снегом. Влад сошел с трамвая и направился к дверям ланиного института.

Девушка выглядела обеспокоенной. Обычный разговор не клеился, а Влад не торопил ее: он знал, если дело его касается, значит, Лана заговорит сама.

Наконец, собравшись с мыслями, она спросила:

– Ты все еще читаешь Книгу?

Влад просто ответил:

– Да.

Возникла очередная пауза.

– Ты знаешь, я очень боюсь. Очень боюсь этой Книги, и очень боюсь за тебя.

– Я уже довольно давно читаю ее, и пока не произошло ничего, чего тебе можно было бояться. – Влад ничего не стал говорить о разговоре с П.З., зато добавил: – И... Ведь это ты мне принесла ее. – Влад вдруг осознал: он сделал это, он сказал то, что давно вертелось у него на языке, с тех пор, как обнаружили все эти чудеса с Книгой.

Лана бросила на него испуганный взгляд, но заговорила:

– Ты не замечаешь, что становишься рассудительней и взрослее, что ли. Ты сейчас совсем не похож на человека, с которым я познакомилась. Это все Книга...

– Взрослее... Ты хочешь сказать, я становлюсь старше, – Лана вздохнула, – ты имеешь в виду, Книга старит меня?

– Да, именно это я и имею в виду.

– Ты... Знала об этом?

– Ну... Я заметила, что меняюсь, когда читала ее. Я не хотела постареть. Я испугалась того, что Книга может со мной сделать.

– И ты дала ее мне? – Лана вглядывалась в его лицо, но голос Влада был совершенно спокойным.

– Я посчитала, что это может пойти тебе на пользу. Извини. Я, конечно же, не должна была так делать.

– Я был недостаточно взрослым? – Влад вдруг подумал, что прежний он, вероятно, психанул бы сейчас, разозлился, ушел бы, не говорил бы с Ланой дня два, а может быть, и вообще – расстался с девушкой. Нынешний он только улыбнулся: он видел Лану, запутавшуюся в своих порывах и страхах, за него, за себя. Нежность засквозила в его глазах.

– Я думала о том, чтобы вернуть Книгу в магазин, о том, чтобы выбросить ее или даже сжечь... но не смогла.

«И слава Богу, – подумал Влад про себя, – если бы ты смогла это сделать, ты была бы совсем другой, и я не любил бы тебя так. Сжечь напугавшую тебя книгу, это как... ударить ребенка за то, что он, заигравшись, разбил вазу».

Вслух же он сказал:

– Не бойся, Книга не станет препятствием между нами. Я обещаю тебе не читать ее несколько дней, – и он рассказал все, о чем узнал за последнее время.

Пока он говорил, Лана сидела, прижавшись к нему. Они снова были вместе. Чувство сопричастности, которое едва не начало ускользать, в этот вечер вернулось и захватило их с новой силой. Сверху снежило, и девственно белые хлопья наполнялись чудом в лунном свете и сиянии фонарей. Они накрывали город, засыпали аллею, и лавку, и двух людей, которые, обнявшись, сидели на ней и негромко разговаривали.

В этот вечер Влад, как и обещал, не стал читать Книгу. Он выложил ее из куртки и положил на стол. Пытаясь чем-то себя занять – он попробовал почитать что-то другое, но очень скоро отложил. Не читалось. Взгляд его упал на смятые листы распечатки – книга Злотяна. Он собрал разметавшиеся страницы и стал листать их.

Это была «Альфа и Омега».

Влад прочитал что-то про противостояние Бога солнца Аполлона и элементарей огня – Саламандр. Написано было красочно, ярко, изображение Влада отзывалось множеством образов, которые так и хотелось рисовать, но вот сколько он ни пытался перечитывать, текст не оживал, Книга не разговаривала с ним. Наконец, он сдался.

Наверное, характерами не сошлись, – усмехнулся про себя Влад. Или причина в том, что фрагмент Книги не есть сама Книга и не способен оживать. Или дело все-таки в издательстве и серии «Отражение».

Тогда он сделал кофе и взял в руки карандаш.

Линии, как пучки живой проволоки, ложились на лист, изгибались, но он делал усилие и подчинял их, и эта энергия, эта живая сила, уже усмирная, целиком оказывалась на бумаге. Он учился рисовать живые картины.

Линии сплелись, и на картине появилось небо и в нем облака, а ниже неба – раскинулась земля, девственно-дикая, не тронутая рукой человека. Луга и горы протянулись до самого горизонта. Реки петляли, а леса были похожи на пучки волос, торчащие там и сям. Высоко в небе сиял Аполлон – пылающий солнечный Бог, разливающий на просторы земли живительную влагу Света. Аполлон – он же Логос, Свет истины, вечно живущий бог, сиял и был прекрасен. Его юное лицо улыбалось, а глаза светились бессмертной мудростью. На смену миллиардам лет случайного развития мира он принес Закон и порядок, порядок в подчинении Закону. Но Бог был окружен со всех сторон иными существами – более

древними, не признающими никаких правил и законов. Он был окружен существами, которым его испепеляющее сияние было нипочем. Элементали огня – Саламандры – крылатые ящерицы, как крохотные дракончики, сбились в стаю и летели в сторону Солнцеликого божества, и огромная туча их огненных тел бросила тень на поверхность земли, и вдруг посреди этого буйства огня и света землю окутала Тьма.

Стиксы – так Сашка называл существ, – уже довольно много успели ему показать. У них была развитая цивилизация, которая, несмотря на множество технических достижений, высокий уровень развития технологий, таких, о которых в мире Сашки можно было прочесть только в фантастических рассказах, была крайне религиозной. Религия их была по человеческим меркам языческой, поскольку Стиксы поклонялись Солнцу, или Амарилу, как они называли свое светило. Амарил – их бог, – был силой, создавшей весь мир и планету Стиксов. Бог был силой, давшей Стиксам жизнь, наделившей их, в процессе эволюции, душой и разумом, силой, питавшей их научные искания и открытия. Амарил был богом, на чьей ладони выросли дети его – Стиксы.

Впрочем, религия эта не была варварской. Обряды в честь Амарила были исключительно символичны, здесь не было жертвоприношений, культов. Религия Амарила более походила на философию. Зато практическое проявление этой религии заключалось в особой ценности каждого солнечного луча, каждой крупинки тепла и света, ниспосланных божеством своим детям и окружающему их миру – Колыбели.

Запрещалось, например, строительство, при котором появлялась большая тень. Солнечные станции, питавшие энергией большую часть планеты, располагались на пустынных берегах. Следствием верховенства религии Амарила было и отношение к водам, к почвам, которые должны были получать достаточно тепла, а также к природным ископаемым, которые считались кладезью Амарила и должны были расходоваться с большим трепетом и осторожностью.

Таким образом, планета Стиксов – Валуза – при всей сложности культуры и высоких технических достижениях населяющего ее народа, сохранила почти первозданную гармонию. Колыбель (а Валуза в языке Стиксов означает «колыбель») оберегалась особенно трепетно. Наибольшим изменениям Стиксы подвергли две свои луны – Литу и Кессу, – эти парящие в небесах куски камня были окружены искусственной атмосферой, засажены и застроены. Народ Стиксов жил в состоянии почти совершенного счастья – у Амарила на ладони, говорили Стиксы, и опять благодарили своего Творца.

Купаясь в лучах Амарила, Стиксы начали экспериментировать с энергией Солнца, с теплом и светом, с фотонами, электронами и обнаружили у света ряд замечательных свойств.

Во-первых, свет позволял искажать пространство. Когда скорость света удалось изменить, была открыта обратная гравитация, были созданы белые дыры, и, благодаря этому, стало возможным подняться с поверхности Валузы к Лите и Кессе. Начались космические путешествия.

Во-вторых, оказалось, что свойства света влияли не только на пространство, но и на время. Через белые дыры открылись коридоры Мёбиуса, которые замыкались сами на себе, но через четвертое измерение – время, соединяя текущий момент с сотнями грядущих лет. Стало возможным отправлять световые послания в будущее, а потом и в прошлое. Скоро вся цивилизация Стиксов, начиная с постсветовой эпохи, стала не только народом, живущим в пространстве, но и народом, живущим во времени. Чем больше Стиксы узнавали о взаимосвязи света и времени, тем более отчетливо проступала мысль о бессмертии которое рассматривалось, как время жизни божества – Амарила.

Но главное было впереди. Относительность пространства и времени, над которой экспериментировали жрецы-ученые, была подчинена настолько, что в один прекрасный момент Стиксы обрели чудо: свет сделал возможной реализацию мысли, прямое воплощение информации в энергию и материю. Все, что могло быть помыслено, могло быть и реализовано. Сначала мысли реализовывались как иллюзии, в светопостановках произведений искусства. Но затем Стиксам стала подвластна истинная реализация мысли. Лестницы в небо, противоречащие обычным законам физики, воздушные замки, прозрачные парящие в облаках

дворцы, сады, вырастающие из ничего, и миллионы чудес стали возможны для всей межвременной цивилизации Стиксов.

А потом пришла беда.

Во всех, подвластных Стиксам временах – от начала постсветовой эпохи и до заката Амарила, появились ужасные мысли – холодные каменные существа, способные пожирать звезды. И Амарил начал гаснуть. Его сила стала истощаться во всех временах одновременно, Амарил гас все быстрее, столетие за столетием Стиксы стали терять и все больше скатывались к самому началу постсветовой эпохи. Вместе с поздними эпохами Стиксы теряли и знания, они не смогли удержать Литу и Кессу от падения, и упавшие луны изувечили Валузу, привели почти к полной потере атмосферы и гибели народа Стиксов. Под действием мислов падение лун смещалось во времени, лишая Стиксов и без того немногих оставшихся им столетий жизни на ладони угасающего Бога.

Тьма, пришедшая в мир Стиксов, становилась сильнее с каждым отвоеванным столетием.

Быть может, близкая гибель и толкнула Стиксов к открытию бессмертия.

Они консервировали остатки света своего солнца вместе с клочками реальности в светокапсулы и почти останавливали в них течение времени. Когда последний Стикс замкнулся в своем микромире и законсервировал свою реальность вместе с собой и остатками знаний Стиксов, оставшиеся для этой цели смельчаки взорвали солнце, вызвав взрыв сверхновой. В губительной вспышке растворились Мысли, это вселенское зло было истреблено, а законсервированные капсулы взрывом разметало по всей Галактике.

Стиксы не учли лишь одного: замкнув себя и свою реальность в нулевом времени, они потеряли возможность раскрыть эти капсулы и развернуть реальность. Теперь уже неизвестно, произошло ли это из-за того, что большинство технологий было утеряно вместе с поздними эпохами, или потому, что, став живыми образами (а капсулы Стиксов по сути это из себя и представляли), Стиксы перешли на уровень абстракции, неподвластный актуализации без вмешательства извне.

Сашка смотрел, как замороженный, ведь Стикс показывал ему все это, иногда сопровождая малопонятными жестами, без единого звука, и вся история цивилизации этих загадочных существ величественно, неумолимо и печально проходила перед глазами мальчика.

Марки на столе Сашки были окнами в светокапсулы Стиксов, которые открывались под действием солнечного света, света, подобного жизненной силе их Бога – Амарила. Но одного света тут было недостаточно, ключом был и сам Сашка. Именно его пыливый взгляд, его страсть к маркам, его острый ум и, может быть, вся история его жизни в какой-то мере определили то, что он обнаружил капсулы Стиксов, не только обнаружил, но и оживил, и не только сделал это сам, но своей уверенностью и настойчивостью сделал это возможным еще для одного человека.

Но об этом Сашка уже не думал. Он спал. Он уснул прямо на столе.

Когда Влад осознал, что упустил способность Книги читать себя, он мысленно обругал свою глупость и снова задумался: а Книга ли читает ему себя, или он сквозь сон подсознательно тянется к содержимому Книги? Осознание произошедшего прошло дрожью по коже и явилось почти физическим ощущением угрозы, нависшей над его жизнью или, если хотите, рассудком. Придется что-то придумать, – мучительно соображал он. – Куда-то ее убрать, где она не сможет до него добраться... или где я не смогу дотянуться до нее.

Вдруг Влад вспомнил Сашку, который спрятал марки под диван. Марки гибнут, когда надолго остаются без света или без того, кто бы смотрел на них. А что произойдет, если Книгу поставить туда, где не будет ни одной книги, что будет с Книгой, если ее никто не будет читать? Нет, так нельзя. – Влад положил Книгу на полку.

Вечером переложу на кухню, – подумал он, – а пока пусть побудет здесь, ничего она сделать не успеет.

Сам же он позвонил Михаилу в книжный магазин, предупредил, что зайдет, что он кое-что узнал и, может быть, им стоит это обсудить. Михаил энтузиазма не проявил, но на встречу согласился. Влад прихватил папку и вышел в морозное мартовское утро.

Влад сидел за прилавком и ждал, когда в назначенное время появится Михаил. Он мысленно припомнил, как впервые пришел сюда, за прилавком сидела девушка. Кстати, девушка, – подумал Влад, – помощница, или дочь, или какая-то еще родственница... После того первого раза Влад ни разу ее не видел. Он достал карандаш, вырвал из блокнота листок (на листке была напечатана буква Л) и стал рисовать портрет незнакомки.

Влад уже заканчивал, когда появился Михаил. Влад показал ему листок:

– Похоже на вашу дочь?

– Какую мою дочь? – хмуро переспросил хозяин магазина, смял листок и швырнул под прилавок.

– На девушку, которая помогала вам здесь. – Влад был в недоумении.

– Здесь не было никаких девушек, – резко оборвал тот, – никаких и никогда.

– А неважно, – примирительно ответил Влад, досадуя, что лишился рисунка, – я пришел поговорить о книгах.

– Не о чем нам говорить, – буркнул Михаил, – и вообще убирались бы вы, молодой человек, отсюда.

Он сам на себя не похож, – подумал Влад.

– Мы же с вами договорились встретиться и поговорить.

– Вот мы встретились, и считайте, что уже поговорили, – неумолимо подытожил тот, – так что уходите и, мой вам совет, лучше вам сюда больше не возвращаться.

Влад вышел во тьму улицы.

Когда Влад открыл глаза в трамвае, он еще долго не мог поверить, что весь разговор ему приснился – настолько все было натурально. А, кстати, девушки и вправду не было? – отчего-то этот вопрос его сильно взволновал.

Весь день Влад нет-нет да и возвращался мыслями к событиям последних суток. Загадки, как грибы, вырастали вокруг говорящей Книги или, правильнее сказать, говорящих книг. «В чем разница между Венским и Злотяном? Оба написали по две книги, но П.З. до сих пор жив. А Бражина успела написать только одну книгу. Что же там говорил Злотян? Ее тело не сумели сохранить. А если бы смогли, то что? Бражина тоже написала бы вторую книгу? А почему П.З. не написал еще одной книги, ведь бог троицу любит?! «Угасающий мир» написал Венский-юноша. Книгу «Серебряный витраж», которую Влад в глаза не видел, написал повзрослевший Венский. П.З. написал обе книги в зрелом возрасте, и Влада не удивило бы, если бы тот написал бы прямо сейчас еще одну книгу. Что-то в П.З. было не так. Неискренность? Не полная отдача, которая и позволила ему писать – как он там выразился? – «мягче», включить в книгу только то, что может быть «полезным», и не включать то, что может быть «опасным». Может быть, это? Может быть, то, что П.З. смог «остановиться», когда почувствовал, что иная реальность захватывает его и есть причина того, что он до сих пор жив? А – Бражина, – ее тело не смогли сохранить? Сохранить ее тело для возвращения из иной реальности? Все это догадки, а если судить строго – то первосортнейший мусор, которым набилась его голова после представления, устроенного Книгой ночью. Стиксы, подчинившие пространство и время, постигшие бессмертие.

Стоп. – Почти подсознательно Влад почувствовал, что сейчас как никогда близок к чему-то, что можно назвать пониманием. – Нет, он ничего не знает наверняка, но... Есть вещи, которые кажутся вероятными, а другие – менее вероятными или совсем невероятными. Бессмертие как-то было связано со всем этим. Это казалось не просто наиболее вероятным, но Влад был почти уверен, что все именно так.

Предположим, что в первой книге Венский что-то попробовал, но не смог достичь конечного результата. Пока Влад не стал напрямую говорить о бессмертии, но подразумевал именно его. Тогда во второй книге Венский сделал вторую попытку, которая что? Вдруг принесла успех или вконец уничтожила автора? Вот в чем загвоздка. И что там было с

болезнью Венского в юности, как раз в период написания первой книги. Тогда если П.З. написал две книги и все еще жив, значит ли это, что ему удалось то, что не удалось Венскому? Или наоборот, это означает полный провал? А Бражина – может быть, она достигла результата с первой попытки? Может быть, так? Может быть, смерть – это вовсе не смерть. Словами П.З., переход в иные плоскости. Может быть, поэтому книга Бражиной вызвала такую ненависть у Михаила, что он сжег ее, и до сих пор не может успокоиться...

Влад понял: он должен дочитать Книгу, только тогда он сможет ответить пусть не на все, но на некоторые вопросы. А Книга осталась дома.

Читать или не читать, вот в чем вопрос.

Влад уже несколько раз озвучил эту мысль в шекспировской формулировке. Книга пугала, П.З. предостерегал, а он обещал Лане не читать несколько дней, с другой стороны – он чувствовал, – только дочитав, он хоть что-то поймет, и пусть будет поздно, – жажда ПОНЯТЬ, освободиться от этого бередящего огня, расставить точки над *i*, должна быть утолена.

Он возвращался домой темными, но знакомыми улицами. Он хорошо знал город и сейчас шел пешком к магазину Михаила, а потом собирался прогуляться еще, может быть, даже дойти до дома Ланы. А сам, между тем, вопреки предостережению П.З., все думал, думал.

Послышались голоса и крики. Вынырнув из проулка, он увидел метнувшиеся в темноту улицы тени. Перед ним в снегу на четвереньках стоял мальчишка. Шапка, сбитая с головы, валялась тут же. Ворот куртки был разорван, а лицо заплакано. Влад подошел к нему и стал отряхивать:

– Живой?.. – спросил он.

Мальчишка кивнул.

– Хулиганы?.. – Тот кивнул еще раз.

– Пьяные? – Мальчик замотал головой.

– Что ж тогда?

– Они курят и матерятся, – он говорил, всхлипывая, но держался молодцом. К его груди был прижат пакет, в котором виднелись чуть заснеженные корешки книг, – а я не хочу с ними. Вот они и злятся.

– Ты книжки читаешь? – парень в ответ кивнул. – Я тоже... читаю, – как-то со стороны Влад посмотрел на все, что произошло с ним с момента, когда он познакомился с Книгой. Улыбнулся про себя.

Он посмотрел корешки книг в пакете: Карл Май, Булычев, Карсак. Все мы когда-то с этого начинали.

– А почему не планшет?

– У родителей денег нет, да и не очень они хотят, чтобы я читал.

– Ладно хоть не мешают. Почитай Урсулу Ле Гуин... – предложил Влад, мгновение подумав — что-то мелькнуло в его голове, но он не смог ухватиться за мысль, тряхнул головой и продолжил: – Раз ты уже взялся за фантастику, попробуй Брэдли.

Мальчишка скривил нос:

– Я пробовал, мне не понравилось. Там на обложке еще космонавт с лазером, только книга совсем не про то. Скучно.

– Мне тоже сначала не понравилось, – усмехнулся Влад, мальчишка имел в виду именно «451 градус», где, похожий на космонавта, был изображен пожарник с огнеметом, – ничего, пройдет. У тебя, кстати, дом в какой стороне?

– Тут недалеко, – мальчишка показал рукой.

– Идем, мне в ту же сторону. Тебя как звать-то?

– Сашка.

– А меня – Влад, – и они пошли, а мальчишка вдруг стал рассказывать о приключениях Виннету и Шеттерхенда в стране индейцев. Он рассказывал взахлеб, с таким упоением, что Влад невольно пришел в восторг: когда-то и он был таким. Они прошли почти два квартала и оказались у дома Сашки. Влад сказал, что тут неподалеку есть книжный магазин, где много дешевых хороших книг, и сказал, что сам часто там бывает, а на прощанье добавил:

– А по поводу этих... даже не думай. Они неудачники. Они теряют свое время, даже не понимая этого. Когда-нибудь, когда будет поздно, они что-то поймут и будут заставлять своих детей читать книги и учиться, потому что у них этого не вышло. А детям это будет не нужно, дети будут курить, материться и шататься по улицам. И тогда эти хулиганы поймут, что растеряли все свое счастье.

Сашка нырнул в подъезд, а Влад пошел дальше по снежной улице. Да, Сашка. Книжки, может быть, и не сделают тебя богатым, сильным, спортивным. Особенно приключенческие и фантастические книжки. Может быть, ты вырастешь и станешь адвокатом или экономистом. Будешь получать свою зарплату, не слишком задумываясь о чистоте денег. Или наоборот, ты станешь честным учителем литературы или истории, и дети тех самых хулиганов придут к тебе получать то, что называется образованием. Доживешь до лысины и, может быть, даже скопишь денег на «Ладу». Черт возьми, никто не знает, как все повернется. Но если ты счастлив сейчас с книжкой в руках, – читай, это лучше, чем изнывать от скуки и плохой компании.

Уже приближаясь к кварталу, где располагался магазин Михаила, Влад почувствовал неладное. Где-то впереди поднимался дым. Оказавшись в начале улицы, он увидел вспышки. Полседьмого времени – а такая темень, – подумал он. Подойдя ближе к магазину, Влад увидел, что дым выбивается из-под крыши магазина, а за стеклами были видны всполохи. Магазин горел.

Да что же это такое, – подумал он. На улице была гробовая тишина, никаких криков, сирен, никто не вышел, не поднял тревогу, как будто все происходящее было реальностью только для одного Влада. Дверь в магазин была приоткрыта. Может быть, Михаил – внутри? – подумал он и бросился к двери.

Пламя лизало книжные полки на стене. Влад пробежал до самого прилавка, выкрикивая имя хозяина, но никто не откликнулся. Попеременно оглядываясь по сторонам, ожидая увидеть тело или какое-то движение, он прошел между книжными полками, заглянул за прилавок, прошел до самой задней двери, но так никого и не обнаружил. Тогда он вернулся к прилавку и вдруг увидел в углу комок смятой бумаги, смутно напомнивший ему что-то. Он развернул смятый клочок и обнаружил лист из блокнота с буквой «Л», тот самый, на котором во сне он рисовал девушку. Лист был девственно чист.

Пламя с дальних полок постепенно перекидывалось на ближние, воздух был полон гари, но запах был особенным – Влад подумал, что именно так, наверное, пахнут паленые книжки. Он бросил листок и стал собирать кое-какие книжки, собираясь вынести из огня хоть что-то. Он как раз снимал с полки книжки Остера и Рансмайра, когда ему померещилось что-то, отчего он вздрогнул. И обернулся.

Рядом стояла девушка с рисунка и смотрела, как он сваливает книжки на расстеленную на полу куртку.

– Ты кто? – спросил он, еще не оправившись от неожиданности.

Она молчала.

– Ты на самом деле есть или ты плод моего воображения, и без того растравленного в последние дни? – Девушка не отвечала.

Тогда он демонстративно отвернулся и снова стал собирать книжки. Девушка стояла поодаль. Казалось, ее не интересовало, что магазин горит, что пламя постепенно охватывает полки, что в воздухе рябило от гари, что всполохи разбрызгивали по стенам тени, которые плясали, превращая всю обстановку в совершенно нереальную. Он вынес сваленные на куртку книжки наружу и вернулся за новой партией.

Она все так же стояла и смотрела, как он, отчаявшись вынести все книжки, просто сваливал их на пол и накрывал полками, стульями и чем попадало под руку, надеясь хоть так сбросить от пожирающего пламени.

– Ну что ты все стоишь-то? – закричал он, уже начавший дуреть от светопляски и запаха гари. Пора было уходить. Становилось опасно. Девушка подошла ближе.

– Ты меня слышишь? – спросил он, и на этот раз она кивнула.

– Ты кто и что здесь делаешь? – она помотала головой.

– Ты здесь работаешь? – опять помотала.

– Это ты подожгла магазин? – внезапная мысль пронзила сознание Влада, но девушка опять покачала головой. – Ну, слава богу.

– Ты здесь была раньше? – девушка утвердительно кивнула.

– А... – что-то опять мелькнуло в голове у Влада, который постепенно приходил к выводу, что все происходящее не случайно, и, может быть, девушка как-то связана с Книгой. – Ты знаешь про Книгу?

Девушка снова кивнула.

– А ты... – мысль была совсем ужасной, но Влад закончил свой вопрос, – Лида Бражина?..

Девушка кивнула.

– Так, стоп-стоп... погоди... – от огня и неожиданности мысли Влада стали путаться. – Ты умерла? Ты привидение?

Девушка покачала головой.

– Ты – книга, которую сжег Михаил? – Девушка покачала головой: нет.

– Ты жива? Ты продолжаешь жить? Ты нашла бессмертие?..

В этот момент с треском рухнули полки, а следом еще и еще, и Влад вдруг с ужасом осознал, что путь к выходу их магазина для него отрезан. Когда он вошел в магазин, пожар только начинался, а теперь – даже звучит смешно, – заболтавшись с привидением, он запер себя в огненной ловушке. Он бросил взгляд в сторону зарешеченного снаружи окна, и по спине его побежал липкий ужас. Он оглянулся по сторонам в поисках девушки, но никого не обнаружил. Он был один. И выход из горящего магазина преграждали рухнувшие полыхающие книжные полки.

Это не может быть реальностью, – вдруг подумал он. Он несколько раз моргнул глазами и потряс головой. Иллюзия не проходила. Ужас захватил Влада, он стал бегать по магазину, швырять ящики, стулья и полки, но так и не смог придумать, как выбраться из пылающей ловушки.

Полки ближе к выходу разгорелись быстрее из-за притока кислорода, – устало подумал он. Откуда взялся этот огонь в субботу в семь вечера, и почему до сих пор никто не поднял тревогу, почему не видно ни одного прохожего на улице! Он бы и сам давно набрал службу спасения, но, как назло, забыл телефон дома. Он попробовал кричать и звать на помощь, но это ничего не изменило. Он был один, а пламя неумолимо приближалось.

Он сгреб с пола свою куртку, приготовленные книги повалились на пол, и в этот момент из кармана выпала... Книга. Невероятно! Влад отчетливо помнил, как оставил ее дома на книжной полке. Как она не вывалилась, пока он таскал книги. Но главное, как и откуда она могла оказаться в кармане куртки. Эта последняя мелочь повергла его в полное отчаяние: так за какие-то считанные месяцы его жизнь пошла под откос. Он совсем потерял контроль над собственной жизнью, дошло до того, что он перестал отличать реальность от вымысла, до того, что не мог с уверенностью сказать, оставил он Книгу дома или утащил с собой, и вот результат: он заперт в огненном капкане, и очень скоро его жизнь вовсе прекратится. Ну почему он забыл телефон, а не Книгу?!

Он схватил ее и хотел было швырнуть подальше в огонь, но замер. Первый порыв прошел, и он просто опустился за прилавок на последний оставшийся в магазине стул. Подальше от огня. А ведь книга, может быть, предупреждала его во сне, когда словами Михаила запретила приходить в магазин.

Он усмехнулся, ему стало забавным, когда он поймал себя на мысли, что у него не остается времени дочитать и разгадать те сотни загадок, которые Книга ему загадала.

Откуда же здесь взялся огонь, – уже лениво думал Влад, глядя в языки пламени и то и дело заходясь кашлем. – Хулиганы подожгли, футбольные болельщики или какие-нибудь скинхэды, а может быть – это Михаил поджег книги, из-за того, что Влад собрался зайти, или из-за девчонки-призрака, вконец доставшей хозяина магазина.

Влад наблюдал за языками пламени и думал об огне. Какая ирония, ведь огонь – это живительная сила, которая когда-то сделала обезьяну человеком, которая позволила человеческому народу выжить и завладеть всей планетой. И вот эта дающая жизнь сила сейчас

ревет напротив Влада, собираясь пожрать его. В ней нет ни понимания, ни сострадания. Она есть и добро, и зло.

Он – Влад – был Амарилом, против которого выступила тьма саламандр-мислов. Мысль Влада, уже не такая четкая, переключилась на сюжет недочитанной Книги. Откуда взялись мысли? Мысли... Мысли, мислики. Так назывались пришельцы ниоткуда, существа, гасившие звезды у Карсака. Венский нарочно использовал это слово? Что-то не вязалось. Хотя вот, Стиксы научились воплощать мысли в реальности. Мислики – это персонажи романа. А что если Стиксы выпустили во вселенную... придуманное зло. Если представить, сколько ужасных монстров люди выдумали за эти годы, написали в книгах, сняли в кино, и если хотя бы на секунду представить, что все это может стать реальностью, – ужас, кошмарный хаос захлестнет землю и испепелит все мгновенно.

Наверное, в этом все дело.

Он открыл Книгу и вдруг обнаружил, что он не один.

Сашка? Ксандр-младший?

Неизвестный ответил. Это не был голос, Влад не видел лица и даже не мог обнаружить присутствия, но он точно знал, что рядом с ним есть еще существо, и это существо обращается к нему.

Тогда Влад задал мучивший его вопрос, и неизвестный стал говорить, без слов, без образов, знание лилось в раскрытое сердце Влада.

Они создали существ по образу своему, как и они сами, способных воплощать в реальность свои желания. Мысли должны были стать прекрасным продолжением самих Стиксов, их венцом творения. Но, как любые дети, мысли не были готовы принять мир таким, каков он есть. Амарил – великодушный бог, но в нем Добро и Зло слиты в единое целое. Мысли попробовали Амарила и обожглись. Удивление в их душе сменилось недоверием, а затем обидой и ненавистью, желанием убрать болезненную преграду. Желанием мислов было убрать убийственный жар Амарила, и воплощенное в реальность это желание стало охлаждать светило Стиксов.

Стиксы поняли, что произошло, когда было уже слишком поздно. Мысли не хотели прислушиваться к их словам, они хотели играть, их интересовали забавы, и они упивались своей способностью менять мир вокруг себя. Они продолжали гасить Амарила, даже не догадываясь, что без его света и тепла они не смогут существовать и сами.

Дальнейшее Влад знал. Не знал он только одного: когда Амарил исчез во вспышке сверхновой, в галактике появилось новое божество, которое через многие миллиарды земных лет будет названо Солнцем. Амарил переродился в светило Солнечной системы. Свет явил Стиксам-наблюдателям, замкнувшимся в своих капсулах, еще одно из своих чудес: перерождение в новой ипостаси.

Голос прекратился.

И тогда Влад спросил его: в чем суть говорящей Книги? Как он, Сашка, смог написать ее?

Но Влад уже знал ответ, ведь он и сам почти научился создавать живые картины: суть была в том, чтобы выразить многогранную личность целиком без остатка. Явить миру не модель, отбросив несущественные связи, но наоборот – сохранив всю сложность, всю внутреннюю взаимозависимость, осуществить личность полностью.

Ты – правда он? – спросил вконец изумленный Влад, и уже сам ответил: нет. Книга – это не Сашка. Венский был лишь началом Книги, но потом были другие, и все они становились Книгой, и вот уже Книга – это Влад, а Влад – это Книга.

И говорящий с ним голос показался на удивление знакомым: Влад смотрел, как в зеркало, в Книгу и говорил со своим двойником.

– А как же П.З., он же написал две книги, почему он жив?..

И сам продолжил так, что вопрос сам стал ответом:

– ... но он не хотел перерождаться, он решил отринуть последний закон Амарила, и лучшее, чего он достиг, – не жизни Книги, но ее кукольного подобия.

– А...

– ... Лида вдохнула в себя всю нескончаемую вселенную перерожденной реальности и, опьяненная открывшейся свободой, приняла ее. Она не нашла обратной дороги.

Влад на секунду оторвался от Книги и огляделся. В глазах плыло, в голове шумело. Огонь полыхал уже очень близко. Книга, – подумал вернувшийся к реальности Влад, – ее нужно спасти. Он сполз за прилавок и накрыл книгу своим телом. Это все, что он мог сделать.

В глазах или в мозгу мельтешили огни.

Влад вдруг подумал о мислах: так же и они однажды прикоснулись к вселенскому огню. Это пламя давало жизнь Стиксам, оно же причиняло боль мислам. Они погасили огонь. Огонь, который сожжет его сейчас. Если бы он мог, он бы тоже сделал это. Хотя, кто знает.

Влад понимал, что уже бредит, но был бессилен противиться этому. Огонь. Может быть, божество света в который раз уберегает своих чад – вот так, таким образом. Может быть, знания Влада стали опасны? Или, может быть, смысл в том, чтобы иногда происходили бессмысленные события, как например, этот огонь. – И в этом выражается единство противоположностей. Или, может быть, божеству иногда нужны жертвы? Или нужен помощник, а смерть – лишь переход.

Мысли были созданы народом, научившимся воплощать свои мысли в реальность. Мысли сами были воплощенной мыслью этого народа. И они встали против существ, сотворивших их. И их Света.

Он, Влад, был создан по образу и подобию Того, который был вначале. Но вначале было слово. И он – безначальный был тем словом. А что такое слово, как не кристаллизовавшаяся мысль. И если существа, воплощенные мыслью, смогли восстать против создавшего их света и погрузить мир во тьму, то почему бы ему, созданному по образу и подобию слова, воплощенного мыслью, не сделать тоже самое.

Тело уже не подчинялось, да и разум, пожалуй, тоже. Влад лежал с закрытыми глазами, прижимая Книгу к груди, а огонь бушевал уже повсюду, жар стоял нестерпимый, но Влад уже ничего не чувствовал. Одуревший, будто напичканный наркотиками или обезболивающим, он провалился в глухой подвал, в яму из собственных бредовых идей.

В темноте этой ямы то, что еще осталось от сознания Влада, отчаянным усилием воли вызвало образ Книги, щемящий, точный до мельчайших подробностей. Влад мысленно раскрыл ее и взгляделся не в буквы, не в страницы, – он смотрел глубже, сквозь пласты личностей, он пронзал их одну за другой и будто падал в зияющую вселенскую воронку, в небытие. Он падал в ирреальный мешок, который вне времени и вне пространства заполнен абстрактными структурами: сюжетами, образами, мыслями, – мир эйдосов. Он падал в бездонную бочку несуществующего.

Огня не было. Оглянувшись по сторонам, Влад обнаружил себя за столом, на котором громоздились книги.

Мысленным взором Влад глянул надписи на корешках: здесь были все книги и авторы, которых он прочитал или хотел прочитать.

Влад переродился. Он стал бессмертным. Он вышел из смертной реальности. Он сидел за столом продавца, вокруг были книги – такие, какими он их помнил в том мире. Он открыл одну из них – и разглядел буквы. Книга, а правильнее сказать разбуженная и взрошенная Книгой часть его сознания, вмещала в себя сейчас эти гигантские запасы мудрости, а также ее отсутствия. Читать не хотелось, он помнил эти книги – прочитанные и не прочитанные, – до последней буквы.

Дальше стола распространилась тьма.

Прямо перед Владом, на столе, лежала раскрытая Книга, но теперь в ней не было текста. Он не мог дочитать и ее.

Влад перелистывал страницы, они были пусты. Многих усилий от него потребовалось, чтобы на страницах что-то начало проступать. Приглядевшись, Влад различил пламя. Там, за пламенем, был спящий город. Он углубился еще дальше, – в городе жили знакомые и незнакомые люди, там жила Лана, где-то там прятался Михаил, а дальше была страна, и там П.З.

Весь знакомый прежде мир теперь находился по ту сторону Книги. Мир с его прошлым и будущим стал Книгой. Влад сделал реальность частью Книги, а собственные мысли – реальностью. И теперь его реальность составляли этот стол, ряды книг на нем, нескончаемая вечность времени для рисования, размышления, чтения и всего, что он еще может придумать и помыслить.

Здесь не было экранов на стенах, но в целом обстановка очень походила на Сашкины марки.

Когда тебя нет, совсем не нужно двигать руками, шевелить пальцами или перелистывать страницы. Посеребренный пылью человек сидел за столом, смотрел в книгу, вглядывался в тот мир, который оставил.

Этот стол и стул, все книги вокруг были его разумом и его памятью. Он мог раскрыть любую из них простым усилием мысли, но человечески привычки делают нас людьми, и потому Влад кряхтел, вставая из-за стола, ходил кругами, снова со вздохом садился и опять принимался листать. Только его дыхание в небытии было беззвучным, а голос глухим.

Влад не знал, сколько прошло времени, да и время теперь для него не существовало.

Он все чаще сидел перед Книгой, вглядываясь в ее глубину, и все чаще думал о том, что хочет вернуться. Он понимал, что его нахождение здесь – в вечности – бесцельно. Это было бегство от гибели, но само по себе сидение здесь, в пустоте – для Влада не значило ничего.

Цель.

В воздухе перед Владом материализовался и опустился на стол лист бумаги, а в руке его оказался угольный карандаш. Влад нарисовал комнату Стикса с обитателем. Обитатель кивнул ему и стал показывать на стенном экране чудеса технологии исчезнувшего народа: лестницы к звездам, заселенные луны – Литу и Кессу, крошечных Стиксов, летающих в атмосфере планеты без крыльев и каких-либо приспособлений, Стиксов, создающих живые произведения искусства.

А ведь первая книга Венского... о Стиксах.

Крошечный народ, который так и не смог выбраться из своих светокапсул, получил шанс второй жизни в книге Венского. Да, – рассмеялся Влад, – Книга, может быть, не вызрела, авторский персонаж в ней едва ли не большее место занимает, чем существа-герои, но именно это должен был понять Венский, оказавшись вот так же, как Влад сейчас, за границей реальности. И он отдал этот мир Стиксам. Тогда он смог вернуться, и лишь прожив на Земле еще полтора десятка лет, пришел, наконец, к пониманию собственной цели. Тогда он написал вторую книгу и уже не возвращался.

Вот оно. Главное, понять, что моя цель находится там...

Он вглядывался в страницы Книги. Мальчишка, отряхивающийся от снега. Михаил за прилавком, предлагающий ему «Алису в стране чудес». Лана за Книгой после душа.

Я должен отдать то, что я знаю.

Я должен отдать себя.

Он раскрыл Книгу на последней странице и нарисовал портрет человека. Портрет удивленно взглянул на себя самого, и тогда Влад захлопнул Книгу. Человек за столом исчез, постепенно вся комната растворилась.

Там, по другую сторону реальности, чьи-то руки раскрыли книгу...

...Так получилось, что книги не прижились. Может быть, они слишком много понимали, знали и помнили. Говорящие книги были чудом в эпоху научных революций и информационных технологий. Их просто перестали покупать. Человек не был готов. Или испугался. Ведь говорящие книги требовали аккуратности, они воспитывали искренность и справедливость, они не терпели лжи и небрежности. Меньшее, на что можно было рассчитывать неаккуратному чтецу, пролившему сок на страницы, – вечный позор, вечный, потому что хорошая книга может жить столетиями. Итак, книги лежали на полках магазинов, книги выбрасывались теми немногими, кто успел их приобрести, а некоторыми – сжигались.

И тогда я, – проговорил Библиотекарь, – собрал книги здесь. Он еще раз обвел глазами полки книг. Здесь книги живут. Здесь они перешептываются и рассказывают себя друг другу. Вот еще одна книга, – проговорил человек за столом и раскрыл новый том...

Голос стал приглушенным, а потом и вовсе стих. Вадик уже давно спал. Откуда он взял бумажную книгу, – удивилась вошедшая в комнату женщина. Вздрыгнула, бросив мимолетный взгляд на страницы, и вытащила книгу из-под ребенка. Перенесла его на кровать. Выключила компьютер и притушила свет. Вышла из комнаты сына...

Еще долгое время она сидела на кухне с закрытой книгой в руках.

Потом вздохнула, открыла ее, перелистала до конца и тихонько заплакала. На раскрытой странице было нарисовано лицо человека. Через некоторое время картинка зашевелилась.

Раздался тихий мужской голос:

– Ну вот, опять расплакалась. Сколько раз тебе говорить, – со мной все в порядке, ничего ужасного не произошло.

– Я знаю, Влад, я боюсь за Вадика.

– Я понимаю, извини, но я не могу решать, кому читать Книгу, а кому нет. Ты уж сама прибери ее...

– Я знаю, – сквозь слезы ответила она, – я пятнадцать лет не могу к этому привыкнуть.

Оба надолго замолчали.

– У тебя есть муж и сын, – ты можешь быть счастлива, ты должна быть счастлива, Лана!..

– Иногда я жалею, что я здесь, а не там с тобой.

– Ну, полно, так должно было случиться, ведь ты сразу отдала мне Книгу, а я все никак не мог с ней расстаться... и знаешь,.. Наверное, я уже не раз это говорил. Извини, память иногда подводит. Но я до сих пор уверен, что Книга не стала и не станет препятствием между нами...

С кухни еще долго доносились приглушенные голоса.

Октябрь 2007-октябрь 2008

Алексей Бойков

